

На правах рукописи

Деникин Антон Анатольевич

**«ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ» КОММУНИКАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ**

5.10.1. — Теория и история культуры, искусства (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

доктора культурологии

Москва – 2026

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории культуры Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт кино и телевидения (ГИТР)»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания
Дуков Евгений Викторович

Официальные оппоненты: **Тульчинский Григорий Львович**, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Герасимов Сергей Викторович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Козьякова Мария Ивановна, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Союза им. И.П. Королёва, президент Автономной некоммерческой организации развития культурных, оздоровительных и туристических проектов «Лига культуры, здоровья, туризма»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»

Защита диссертации состоится «26» октября 2026 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета 24.2.366.09 на базе ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр.6.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «РГГУ» и на официальном сайте ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу:

<https://www.rsuh.ru/dissovet/24-2-366-09-po-kulturologii-istoricheskim-naukam/denikin-anton-anatolevich.php>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ирина Николаевна Захарченко
кандидат исторических наук, доцент

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования

В XXI веке человечество в очередной раз переживает эпоху существенных трансформаций. Глобализирующиеся общества, подверженные влиянию повсеместной цифровизации, технологизации и медиатизации, раздираемые противоречиями социального, геополитического и мировоззренческого характера, ищут альтернативы устоявшимся способам социально-политического, экономического и общественного устройства, модифицируя представления о человеке, окружающем мире, человеко-природных взаимодействиях и коммуникациях.

Формирование новой наднациональной, медиатизированной технокультуры привело к распространению человеко-машинных коммуникаций, в рамках которых «нечеловеческие» объекты всё чаще становятся партнёрами человека по коммуникации и в существенной степени опосредуют человеческие отношения¹. Цифровые коммуникационные технологии изменяют представление о реальности и превращают её в глобальную инфосферу, а каждого из участников информационного обмена в своего рода «объект» в неё интегрированный. Эти участники могут вступать в разнообразные отношения, в которых участвуют как люди, так и технологии, создавая симбиотические процессы обмена данными, эмоциями, чувствами, аффектами, формируя модели коммуникации, которые можно обозначить как *постчеловеческие*.

Идея *постчеловека* – ключевая в ряде современных постгуманистических философий, связывается с поворотом от антропоцентризма к признанию глубоких взаимосвязей между жизнью людей, животных, между природными явлениями, технологиями, событиями планетарного масштаба. Связанный с концептом «постчеловека» термин «*постгуманизм*» используется в гуманитарных науках с начала 1990–х годов применительно к широкому спектру дисциплин – культурологии, географии, гендерным исследованиям, философии, литературоведению, риторике, медиа исследованиям, перформативным искусствам и пр. Постгуманизм стал своего рода «парадигмой мышления» и формой мировоззрения, и представления о знании.²

Постгуманистические теории позволяют рассматривать коммуникацию не как односторонний процесс передачи информации (исходящий из потребностей человека) и не как информационный взаимообмен между коммуникантами, но как совокупность сложных

¹ Hayles N. Katherine. How We Became Posthuman: Visual Bodies in Cybernetics, Literature and Informatics. University of Chicago Press: Chicago, 1999. P. 289-290.

² Braidotti R. Posthuman Knowledge. Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 210 p.

взаимоотношений и взаимодействий между людьми, нечеловеческими объектами и широким спектром факторов окружающей среды, которые приводят к материальным изменениям и новым дискурсивным возможностям.

Постчеловеческая коммуникация в настоящей работе понимается как совместная деятельность человека, программных алгоритмов, технических устройств, материальных и цифровых объектов, в результате которой во взаимовлияниях разнородных агентов формируются необычные способы обмена информацией и новые виды медиакommunikаций, которые требуют не только переосмысления технологии коммуникации, но реорганизации и переориентации самого предмета коммуникации.

Актуальность пересмотра представлений о коммуникациях обусловлена тем фактом, что способы, которыми человек начинает взаимодействовать с другими людьми, с нечеловеческими объектами и цифровой техникой существенно отличаются от прежних в истории человечества. Технологические новации современной медиасферы способствовали переходу от вербальных и аудиовизуальных коммуникаций к телесно-ориентированным, аффективным, кинестетическим способам человеко-машинного взаимодействия, мультисенсорным контактам, которые повсеместно проявляют себя в медиапрактиках и художественном творчестве³.

Очевидна необходимость в постантропоцентрическом мышлении о практиках познания, о коммуникациях, о дифференциальной роли человека в человеко-машинных и объектно-ориентированных системах взаимодействия, о специфике таких систем и процессах внутри них.

Отдельные попытки размышления о постчеловеческих коммуникациях предпринимались представителями *критического постгуманизма* (С. Вульф, С. Хербрехтер, Н. Бадмингтон, Ф. Феррандо), *трансгуманизма* - «киборгического» ответвления постгуманизма (Н. Бостром, Н. Вита-Мор, Г. Моравик, Ю. Такер, Д.И. Дубровский, Д.И. Ицков и др.), *объектно-ориентированной онтологии и спекулятивного реализма* (Г. Харман, К. Мейясу, И. Богост); медиа исследователями в рамках *«информационных онтологий»* (К. Хейлз, А. Мюнстер, Р. Брайдотти), охватывая онтологические традиции от Б. Спинозы до Ж. Делёза и Ж. Симондона. Постчеловеческие взаимодействия рассматриваются в экстралингвистических медиаисследованиях, особенно в связи с концептом «аффективных коммуникаций»; в рамках современных *новоматериалистических теорий и экологических философий*, как самоорганизующиеся множественные взаимосвязи: человеко-животные, человеко-машинные,

³ Деникин А. А. Современные цифровые арт-практики и «более-чем-человеческое» восприятие// Художественная культура. 2021. № 1 (36). С. 200-221.

человеко-природные и прочие, анализируемые через концепцию «становления-с»⁴. Такие процессуальные взаимовлияния позволяют говорить о соединении материи и смысла в материально-дискурсивных коммуникационных процессах (К. Барад).

Предлагаемое исследование критически анализирует имеющиеся постгуманистические познавательные подходы, сопоставляет их, и на основе такого анализа выявляет модели «постчеловеческих» коммуникаций, а затем подтверждает их примерами из современных художественных и медийных практик (как зарубежных, так и российских). Это позволяет обобщить знания о постчеловеческих коммуникациях и выделить «постчеловеческую коммуникативистику» как специфическую область знания, как раздел гуманитарной науки коммуникативистики.

Конкретные примеры постчеловеческих коммуникаций демонстрирует целый ряд современных художественных (био-арт, сайнс-арт, трансгенное искусство, трансгуманистическое искусство, телематическое и роботизированное искусство, медиаинсталляции и пр.) и медиапрактик (видеоигры, проекты виртуальной и дополненной реальности и пр.). Обращение к ним и изучение взаимосвязей между цифровым, материальным, текстовым и человеческим способно переориентировать внимание с предписанных значений и смыслов на ситуативную, телесно-воплощённую природу коммуникаций человеческих субъектов, на важность учёта непредвиденных инвариантов действия объектов, текстов и машин, на материальность процессов, в которых складываются современные постчеловеческие познавательные практики.

Степень научной разработанности темы исследования

В России проблема постчеловеческих коммуникаций, их осмысления в современной культурной теории и практике до настоящего времени не становилась объектом специального философско-культурологического анализа, хотя данная тематика освещалась косвенно в различных областях научного знания.

Прежде всего вопросы постчеловеческих взаимодействий затрагиваются в транс- и постгуманистической философии.

Развитие постгуманистической философии на Западе связано с работами Р. Брайдотти, К. Вулф, Ф. Феррандо, Н. Бадмингтона, С. Зоргнер, Д. Харауэй, И. ван дер Туина, Л.Е. Грэхам, К. Барад, Р. Долфийн, Р. Раниш, Р. Пепперела и других. В разной степени разработанности постгуманистические идеи можно найти у Э. Кона, Дж. Батлер, Дж. Агамбена, Ж. М. Шеффера, В. де Кастру, Ф. Дескола, Л. Гордона, Ж. Симондона и других.

⁴ Haraway D. When species meet (Posthumanities). University of Minnesota Press. 2008. 423 p.

В России постгуманизм исследовался в работах И.В. Катерного, А.И. Криман, А.В. Павлова, Н.М. Сазонова, Е.Б. Никитиной, О.В. Тимофеевой, М.А. Иванченко, М.В. Тлостановой, Д.А. Юмартова. Отдельные аспекты постгуманистической проблематики затрагиваются в исследованиях А.А. Костиковой, Д.П. Козолупенко, А.Г. Гачевой, И.М. Чубарова и других.

Философские идеи трансгуманизма, в частности концепция «постчеловека», рассматриваются в работах зарубежных трансгуманистов – Н. Бострома, Г. Буша, Н. Вита-Мор, М. Мински, М. Мора, Г. Моравика и др. Отечественные исследователи Д.И. Дубровский, Д.И. Ицков, А.Ю. Нестеров и другие предлагают свои пути развития идей трансгуманизма. Работы Е.Н. Гнатика, И.В. Демина, В.Н. Катасонова представляют авторскую оценку и обсуждение гуманистического содержания и сущности трансгуманизма.

Трансгуманизм черпает свои силы и в произведениях научной фантастики, например, в киберпанке и сочинениях К. Чапека, У. Гибсона, Ф. Дика, О. Хаксли, Д. Нуна.

Среди российских исследователей трансгуманизма выделяются Д.А. Медведев и В. Прайд, И.В. Артюхов, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов. Критические мысли об идеях трансгуманизма выражали Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, В.А. Кутырёв, Ф.И. Гиренок, Н.Н. Ростова и др.

Различные аспекты постгуманизации, т.е. становления «постчеловеческого состояния» общества рассматривались в исследованиях Д. Томаса, К. Хэйлз, А. Кларка, Р. Курцвейла, Э. МакГи, М. Гассона, Н. Бострома, Г. Грили, Дж. Фриденберга, М. Хайма, У.С. Байнбриджа, Р. Гераси, Дж. Баррата, Р. Ямпольского и др.

На способы рассуждения автора диссертации повлияли идеи эоактивизма, пост-феминизма и исследований животных (англ. animal studies), «более-чем-человеческая» стратегия экологических коммуникаций, обращённые к выстраиванию взаимодействий с животными и биологическими созданиями.⁵

Трансгуманизм, постгуманизм и эокритицизм имеют очевидные пересечения с постмодернизмом, с его истоком в философии Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. Фуко, Ж. Делёза,

⁵ Подробнее см.: Haraway Donna J. When Species Meet. University of Minnesota Press, Minneapolis, 2008. 423 p. Агамбен Джорджо. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 250 с. Wolfe Cary. Animal Rites: American Culture, the Discourse of Species, and Posthumanist Theory. Chicago and London: University of Chicago Press, 2003. 237 p. Кон Эдуардо. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с. Харауэй Донна. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулуцене. Пер. с англ. А.Писарева, Д.Хамис и П.Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2021. 340 с. Alaimo Stacy. Oceanic Origins, Plastic Activism, and New Materialism at Sea// Material Ecocriticism. Eds. Serenella Iovino and Serpil Oppermann. Bloomington: Indiana University Press, 2014. Pp. 186-203.

Ф. Гваттари. Среди заметных исследователей постмодернизма выделим Л. Хатчеон, Ф. Джеймисона, Д. Келлнера, С. Сьюзен, Б. Макхейла, З. Баумана, В. Курицына, Н.Б. Маньковскую и других.

Автор диссертации исходит из предположения о том, что коммуникация может рассматриваться как канал для проявления безличных, бессознательных, аффективных сил. Поэтому в диссертационной работе анализируются и применяются к практическим примерам теоретические подходы, связанные с исследованием аффектов, предлагаемые Б. Массуми, Э. Мэнинг, Т. Бреннан, Е. Седжвик и А. Фрэнком, П. Клаф, М. Хансенom и др.

Проявление таких сил в коммуникативных практиках выявляется с опорой на концепции «телоцентризма» в современной культуре, осмысляемые в трудах российских философов В.А. Подороги, М.Н. Эпштейна и Г.Л. Тульчинского, в рамках телесно-ориентированного подхода (англ. *the embodied cognition approach*) и теории «воплощённого познания» в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ф. Варела, Э. Кларка и др.

Исследования проблематики близкой постчеловеческой коммуникации за рубежом начались с середины XX века в работах Ю. Хабермаса, Н. Лумана, К. Шеннона и У. Уивера, Б. Латура, Д. Гункеля и др. Теоретической основой постчеловеческой коммуникативистики стали идеи кибернетики Н. Винер, К. Дойч, постструктуралистские философские концепции М. Фуко, Ж. Делёз, Ф. Гваттари.

Постчеловеческая субъектность и влияние постгуманизма на коммуникационные процессы анализируются философами К. Хейлз и Р. Брайдотти, К. Вулф, П. Найаром, Н. Бадмингтоном, С. Хербрехтером, Ф. Феррандо, Д. Роденом и др.

Отдельные аспекты постчеловеческих коммуникаций разрабатываются в рамках исследования взаимодействия техники и тела человека в постфеноменологическом направлении философии техники Д. Айдом, П.-П. Вербик, Л. Сачмен и др. М. Хансен, А. Мюнстер анализируют телесные возможности медиакommunikации.

Био-экологический феминизм, экокритицизм так или иначе затрагивают целый ряд важных идей для постчеловеческой коммуникативистики. Среди видных исследователей в этой области: П. Крутцен, С. Иовино и С. Опперманн, Р. Кокс, Э. Кон. Вопросы биосемиотики занимают В. Уилер, Д. Абрам, С. Дуокинс, Д. Гриффин, У. Мэйсон, М. Мидгли, Л. Роджерс и Г. Каплан, Р. Шелдрэйк, П. Шепард, К. Зиммер. Зоосемиотика представлена исследованиями Т. Шебёка, Э. Плек, В. Депре, М. Мере, Б. Смэтс и др.

Не менее значимым остаётся политико-критический дискурс, который обеспечивает возможность понимания смысловых, социальных и политических аспектов постчеловеческих

коммуникаций. Самые яркие критики идеи «постчеловеческого» – Ж. Бодрийар, Ф. Фукуяма, Д. Айд, Д. Чендлер и другие. Критическая по отношению к трансгуманизму позиция заявлена в работах Г. Йонас, С. Жижека, Л. Касс, А. Крокера, В.А. Кутырёва, В.Н. Катасонова, Б.Г. Юдина и других.

Вместе с тем, указанные авторы затрагивают в большей степени проблемы транс- и постгуманизма как явления современной социальной действительности. В значительно меньшей степени ими исследуются реальные возможности и конкретные вопросы коммуникаций в трансгуманистическом и постгуманистическом контекстах. В отечественной философской и в целом в гуманитарной литературе до сих пор отсутствуют чёткие представления о постчеловеческих коммуникациях, их специфике, функциях и роли в современной действительности.

Объект исследования – современные коммуникационные практики в контекстах постгуманистической философии.

Предмет исследования – влияние постгуманистических подходов, теорий и концепций на формирование «постчеловеческих» коммуникативных моделей и способов циркуляции нерепрезентативного знания в художественных и медийных практиках.

Цель исследования – выявление моделей «постчеловеческой» коммуникации на основе критического осмысления и типологизации постгуманистических познавательных подходов, теорий и концепций; рассмотрение способов осуществления постчеловеческих коммуникаций в художественных и медийных практиках; интерпретация того, что они могут сообщать и как влияют на человека и его жизненную среду.

Достижение поставленных целей исследования предполагает решение следующих **задач**:

1) провести анализ постгуманистических познавательных подходов, теорий, концепций и эксплицировать философские, историко-культурные и естественнонаучные контексты появления и развития постчеловеческих коммуникационных практик;

2) концептуализировать постчеловеческую коммуникативистику как исследовательское направление и область гуманитарного знания;

3) разработать понятийный аппарат для исследования постчеловеческой коммуникации и описания моделей постчеловеческой коммуникации, выявить методологические основания для анализа постчеловеческих коммуникаций;

4) обосновать функционирование трансгуманистических моделей коммуникаций, рассмотрев специфику человеко-машинных взаимодействий и «протезных» коммуникаций в арт-проектах, в телематических и телекоммуникационных проектах и медиапрактиках, в техно-телепатических коммуникациях, в коммуникациях с био-изменёнными телами, мутантами, клонами, биотварями, в робото-человеческих коммуникациях, взаимодействиях с искусственным интеллектом в контексте идеи «технической сингулярности»;

5) обосновать возможности постчеловеческих коммуникаций, телесно-воплощённых взаимодействий и реляционных практик в интерактивных арт-проектах; рассмотреть и концептуализировать эмерджентные телесности, «дистрибьютированные тела» и распределённое соучастие в аутопоэтических арт-проектах;

6) проследить неоматериалистические тенденции и объектно-человеческие коммуникации в постдраматическом театре;

7) систематизировать постгуманистические материальные, телесно-воплощённые коммуникации в инсталляционных формах искусства «глубоких медиа»;

8) выявить влияние идей Нового материализма на видеоигровые коммуникационные практики, рассмотрев со-коммуникации с игровыми био-объектами;

9) определить модель объектно-ориентированной коммуникации с обращением к объектно-ориентированной онтологии и спекулятивно-реалистическим теориям применительно к арт-практикам современных художников;

10) провести анализ аффективных коммуникаций в видеоиграх, в действиях геймеров и игровых объектов;

11) обосновать концепцию «более-чем-человеческой» модели коммуникаций на примерах арт-проектов современных художников;

12) систематизировать межвидовые экологические коммуникации в контексте экокритицизма и радикального экофеминизма.

Источниковая база исследования.

При подготовке диссертации были использованы два вида источников. *Теоретические работы*, в которых формулируются постгуманистические познавательные подходы, теории, концепции, складывается новый понятийный аппарат для анализа постчеловеческих коммуникаций. Вторая группа - *эмпирические источники* (арт-практики, медиапроекты, социальные и экологические проекты), позволяющие на конкретных примерах обобщить и проиллюстрировать заявленные в диссертации темы и тезисы.

Диссертация основана на широком, динамично формирующемся и непрерывно трансформирующемся корпусе современных философских, культурологических и теоретических научных работ, в которых поставлены и активно обсуждаются вопросы постгуманистических практик, человеко-машинных взаимодействий и тенденций современной цифровой культуры. Это, прежде всего, философские исследования по постгуманизму, трансгуманизму, спекулятивному реализму, Новому материализму, «нечеловеческому повороту» и современным экофилософиям, предлагающие различные взгляды и позиции на межчеловеческие, материально-дискурсивные и человеко-машинные взаимодействия. Среди них особенно ценными оказались положения постгуманистической философии, энактивизма, объектно-ориентированной онтологии, кинетической и соматической эстетики, реляционные теории, теории аффектов, эстетики перформативности и теории соучастия. При этом основное внимание уделялось тем мыслям и идеям, которые оказали наибольшее влияние на разработку рассматриваемой проблемы или же представили оригинальные, своеобразные выводы.

Одновременно, необходимым является использование работ по исследованию современных цифровых медиатехнологий, теории Новых медиа, робототехники, технологий виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта. Особенно важной представляется литература, раскрывающая социально-культурные последствия цифровой революции в работах современных социологов, исследователей технокультуры. Воздействия современных технологий на человека, неопсихологические теории, исследования аффекта позволили выявить важные аспекты, влияющие на функционирование современных постчеловеческих коммуникаций.

Существенными оказались источники в виде научно-публицистических и манифестных работ техно-активистов И. Маска, Н. Харбиссона, Н. Бострома, Н. Вита-Мор, В. Винджа и др., опубликованные как в печатных изданиях, так и он-лайн в Интернете.

Вместе с тем, для репрезентативности исследования немаловажными стали критика технооптимизма, техноскептицизм ряда современных исследователей, художников и авторов, отражённые в метких критических статьях и аналитических материалах, опубликованных в зарубежных и российских сборниках научных статей. Они позволили выявить более широкое поле идей и возможностей для современной постчеловеческой коммуникативистики.

Эмпирические источники исследования включают в себя арт-практики и современные медиапроекты, непосредственно реализующие постчеловеческие коммуникации на практике. Они отобраны и разделены в соответствии с рядом общих признаков на трансгуманистические, постчеловеческие, постгуманистические, более-чем-человеческие, объектно-ориентированные,

экокритицистские, которые составляют исследуемые модели «постчеловеческой» коммуникации.

В качестве трансгуманистических эмпирических источников были выбраны роботизированные кинетические скульптуры и техноперформансы киберхудожника Стеларка, эксперименты по превращению в киборгов кибер-активистов Н. Харбиссона, М. Рибас, Дж. Декни, интерактивные работы художников М. Фрея, К. Фейнголда, телематические перформансы Э. Каца, Л. Хершман-Лисон, НКИ-эксперименты У. Габриэль, Л.-Ф. Демерса, интерактивные арт-проекты К. Голдберга, Б. Симана, П. Сермона, К. Sommerer и Л. Миньонно, VR-инсталляции Ч. Дэвис, перформансы Орлан, арт-инсталляции П. Пиччинини и Д. Ли и целый ряд других медиа- и арт-проектов.

Среди объектно-ориентированных эмпирических источников исследования выделяются монументальные зеркальные комнаты японской художницы Я. Кусамы, скульптурные инсталляции саунд-арт художника Зимоюна, техно-перформансы К. Николая, инсталляции Б. Гроссера, Э. Гормли, компьютерные арт-программы Я. Богоста, инсталляции «Моясвязь» (С. Спачал, М. Швагели, А. Подгорник, 2013) и проект «The Romantic Disease: An Artistic Investigation of Tuberculosis» (2014), созданный А. Думитриу и другие арт-проекты.

Постчеловеческие (телесно-ориентированные) источники включают инсталляции медиахудожников П. Вайбеля, Дж. Шоу, М. Бенаюна, Д. Рокеби, С. Пенни, Н. Штерна, А. Алёхиной, К. Аттербак, С. Миками, У. Габриэль, Р. Лозано-Хеммера, Д. Розина, арт-коллектива Blendid, Е. Попович, К. Ринальдо и других.

В качестве «более-чем-человеческих» источников использованы геймплей видеоигр Call of Duty 4 (Activision, 2007), World Of Warcraft (Blizzard Entertainment, 2004-2025), Hærfest (Breda University of Applied Sciences, 2009), Mark of the Ninja (Klei Entertainment, 2012), Pokémon Go (Niantic, 2016), инсталляции французского видеохудожников П. Хьюге, К. Армстронга.

Экокритицистские эмпирические источники представляют собой био-эксперименты Ю. Вергазова и Н. Ульянова, экологические и локативные художественные проекты Э. Холла, Э. Каца, Э. Танненбаума, П. Каул, включая инсталляцию «Моя связь» (2013) художников С. Спачал, М. Швагели, А. Подгорник.

Методология и методы исследования.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, обеспечивающим широкий диапазон изучения явлений и процессов современной коммуникации. Методологической основой диссертационного исследования послужили

принципы, категории и положения современной коммуникативистики, философской антропологии и философии культуры.

Диссертационная работа использует теоретический опыт изучения феномена коммуникации, основываясь на экологической и реляционной методологии, философии критического постгуманизма и Нового материализма.

Обращение к телесно-ориентированному подходу (В. Рамачандран, С. Зеки) позволило рассматривать аффективные процессы в художественных и медийных практиках.

Для изучения теоретических и эмпирических источников применялись дескриптивные и компаративистские методы, которые позволили осуществить сравнительный анализ современных философских течений в рамках «нечеловеческого поворота»⁶. Интерпретативно-аналитический метод способствовал рассмотрению смыслового содержания текстов по теме постчеловеческих взаимодействий.

Ключевыми для этой диссертационной работы стали идеи, представленные в трудах критических постгуманистов Р. Брайдотти, С. Хербрехтера, Н. Бадмингтона и К. Вулф, предлагающих пути переосмысления объективности, рациональности, познания, свободы воли, преодоления гуманистической уверенности в превосходстве человека над нечеловеческим, и направляющих внимание на исследование взаимоотношений, гибридности и взаимозависимости всего сущего. Эти идеи опираются на работы философов А. Бергсона, Ж. Делёза и Ф. Гваттари и следуют неоспинозовской монистической онтологии, предполагающей радикальную имманентность, то есть примат самоорганизующейся материи.

Существенным для данной работы стал и комплекс философских исследований Новых материалистов, особенно концепция «вибрирующей материи» Дж. Беннетт, «интра-акции» и «этико-онто-эпистемологии» К. Барад. Эти исследования послужили основой для понимания «постчеловеческих коммуникаций» как процессов физического действия и материально-дискурсивного взаимодействия, вовлекающих нечеловеческую активность, материальность и взаимосвязанность в человеческие коммуникационные процессы.

Философская теория «процессуальности» В. Уайтхеда, «техноэстетика» Ж. Симондона, концепция «синергетического диалога человека с природой» И. Пригожина и И. Стенгерс, экологическая теория развития Дж. Гибсона, а также концепция энактивизма (энактивного познания) учитываются в диссертационной работе, поскольку они фиксируют отход от коммуникативной модели, основанной на репрезентации, отражении и интерпретации к

⁶ The nonhuman turn / Richard Grusin, editor. Center for 21st Century Studies. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2015. 288 p.

энактивной модели воспринимающего и действующего субъекта/субъектов-агентов, одновременно формирующих окружающую среду-пространство и формируемых ею. Акторно-сетевая теория Б. Латура обеспечила концептуальную основу для изучения и описания социотехнических процессов, в которых действуют люди и нечеловеческие объекты.

В целом это исследование опирается на антиэссенциалистские подходы - реляционно-практическую постгуманистическую эпистемологию (С. Герарди), концепцию «знания как локального ситуативного действия» (Д. Харауэй), идею «партиципаторной композиции» (С. Арройо), что позволяет анализировать то, как люди, нечеловеческие сущности, объекты, социальные установки и дискурсы формируются конститутивными взаимосвязями, реализуемыми и перестраиваемыми в совместных практиках. Такой процессуальный подход к эпистемологическим практикам и коммуникациям, указывает на то, что «реляционные знания» вырабатываются в практике, в действии и совершенствуются в процессе практической деятельности. Знание объявляется процессом, а практика понимается как «ризоматическое движение» (Ж. Делёз), которое создаёт и разрушает новые соединения без какого-либо заранее определённого закона. Это позволяет связать практику с творчеством и импровизацией, изобретением способов действовать.

Такая методология в центр рассмотрения ставит организацию действий и учёт их последствий для понимания постчеловеческих коммуникаций. Это требует пересмотра концепции «контекста», который больше не является условием действия, а является ситуацией «запутанности»⁷, в которой пересекается и взаимно детерминируется поведение вовлечённых актантов (объекты, субъекты, события и пр.) и условия окружающей их среды. Опорными для исследования арт- и медиапрактик были выбраны метод «кайротической коммуникации» и концепция «изобретения в действии».⁸

Представленная в диссертации идея «коммуникации как испытания возможного» основывается на отказе от концепции «истины как соответствия», на замещении «объективной точки зрения» на радикальную множественность значений, точек зрения, действий и желаний. Это идея «множественности» как продолжение «онтологии постоянного становления», указывает на невозможность ни на что постоянно полагаться, когда кажущееся «сущее» есть

⁷ Schrödinger E. Discussion of Probability Relations between Separated Systems // Proceedings of the Cambridge Philosophical Society : журнал. 1935. № 31. Pp. 555 -563. Einstein A., Podolsky B., Rosen N. Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality Be Considered Complete? (англ.)// Physical Review/E.L. Nichols, E. Merritt, F. Bedell, G. D. Sprouse — Lancaster: for the American Physical Society by the American Institute of Physics, 1935. Vol. 47, Iss. 10. P. 777—780.

⁸ Ulmer Gregory L. Heuretics: The Logic of Invention. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1994. 267 p. Brooke Collin Gifford. Lingua Fracta: Towards a Rhetoric of New Media. Hampton Press, 2009. 222 p. Morey Sean. Rhetorical Delivery and Digital Technologies: Networks, Affect, Electracy. Routledge, 2016. 280 p.

«скопление случайных узловых точек, которые остаются объединёнными в течение некоторого времени, но в конечном итоге снова растворяются в дальнейшем становлении»⁹. Инвариантность в реализации возможного в конкретной коммуникационной сборке (ассамбляже) в диссертации связывается с понятием «фигурального» (фр. *le figural*)¹⁰.

Базисом для рассмотрения постчеловеческих коммуникационных практик в данной диссертации является представления о сверхчеловеческой специфике функционирования коммуникаций и искусства, представляющих собой процессы взаимоотношений «более-чем-человеческого»¹¹ (соучастия человеческих и нечеловеческих агентов), а также сам «динамизм», преобразующий мир, совместно с которыми нужно действовать, в «потоке природного мира», чтобы реализовывать, как полагает культуролог К. Кокс, «случаи геофизико-химического становления мира»¹². Основанием для этой гипотезы служит мнение, что во Вселенной присутствуют когнитивно непостижимые силы и интенсивности, которые хотя сами по себе и не ощущаются человеком, но проявляют себя в переходах между различными стадиями межактантных взаимодействий и участвуют в формировании и распределении аффектов.

Поскольку постгуманизм рассматривает жизнь как нечто неконтролируемое, изменяемое, превосходящее возможности человека, полезным инструментарием для рассмотрения постчеловеческих коммуникаций стали размышления философа М. Серра о художественных практиках «как формах не только человеческого самовыражения»¹³. Это позволяет переосмыслить человека и мир в перспективе взаимовлияния и всеобщего соучастия, становления с миром и энергийными силами мира, когда задача коммуникации видится в том, чтобы улавливать, усиливать, подвергаться воздействию, сонастраиваться, излучать и возвращать в мир эти энергийные силы, становясь ответственным (способным и способствующим реагированию) по отношению к инаковости, что в целом соответствует вектору философии Р. Брайдотти, для которой «Мы-[все]-Участвуем-В-Этом-Вместе-Но-Мы-Не-Одно-И-То-Же».¹⁴

⁹ Stefan Lorenz Sorgner. *Philosophy of Posthuman Art*. P. 130.

¹⁰ Jean-François Lyotard. *Discourse, Figure*. Trans. Antony Hudek and Mary Lydon, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011. 516 p. Делёз Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения. СПб.: Machina, 2011. 176 с. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство "Логос", 2004. 232 с.

¹¹ Abram D. *The spell of the sensuous: Perception and language in a more-than-human world*. Random House: Vintage. 1997. 368 p.

¹² Christoph Cox. *Preposterous Realism and Posthuman Aesthetics* // *The Oxford Handbook of Global Realisms*, ed. Katherine Bowers and Margarita Vaysman. New York: Oxford University Press, 2024.

¹³ Serres M. *Yeux*. Paris: Le Pommier, 2014. 111 p. Serres M. *Eyes*. (A.-M. Feenberg-Dibon, trans.). London-New York: Bloomsbury, 2015. 221 p.

¹⁴ Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge, UK: Polity Press., 2019. P. 52.

Ключевым для анализа медиапроектов и арт-практик стало применение практической методологии с включением данных гуманитарных наук. При анализе артефактов наряду с экспликацией использовались сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический методы.

В диссертации применялся понятийный аппарат естественных и гуманитарных наук, в том числе биоэтики, квантовой механики, теоретической физики, истории биотехнологий и литература по проблемам генной инженерии, квантовой физики. Использовались также методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, идеализации, классификации.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе научного исследования постгуманистических познавательных подходов, теорий, концепций выявлено, что феномен постчеловеческой коммуникации лежит в основе культурных практик трансгуманизма, постгуманизма, эоактивизма, обеспечивающих новое понимание коммуникации как взаимообусловленного действия гибридных, человеко-машинных и коллективных человеческих образований (ассамбляжей).

2. Систематизация «постчеловеческой коммуникации» как области философско-культурологического научного дискурса и направления современного гуманитарного знания показала, что модели постчеловеческой коммуникации (трансгуманистическая, постчеловеческая, нематериалистическая, объектно-ориентированная, более-чем-человеческая, эокритицистская) имеют свою коммуникационную специфику: трансгуманистические коммуникации нацелены на расширение технологических и концептуальных границ в понимании человека; постчеловеческие коммуникации основываются на практиках телесного соучастия и реляционного включения человека в становление машинно-биологических коммуникационных процессов; нематериальные коммуникации заключаются в реализации нечеловеческих «творческих» процессов, сил, интенсивностей и в задействовании человека как части этих процессов; объектно-ориентированные коммуникации предлагают модель, отражающую сущность машинного «сознания»; более-чем-человеческие коммуникации связываются с аффективными режимами взаимодействия между людьми и объектами окружающего мира; экологические и эокритические коммуникации подтверждают идею о неотделимости человека от всех органических и неорганических процессов в окружающей среде.

3. Понятийный аппарат, теоретические и методологические основания для исследования постчеловеческой коммуникации нацелены на анализ качеств непредсказуемости, случайности,

инвариантности, обращены к новым коммуникационным стратегиям встраивания, сонастройки, соучастия, интерактивности, «становления-с», близки практикам работы с возможным, виртуальным, в которых различие между символом или знаком и означаемым дополняется пониманием каждого фрагмента материи как указателя на потенциальность, на потенциал и влияние.

4. Анализ коммуникационно-выразительных и дискурсивно-спекулятивных аспектов постчеловеческих коммуникационных практик указывает на вовлечение нечеловеческой активности, физического человеческого действия, материально-дискурсивных взаимодействий в коммуникационные практики.

5. В постчеловеческой коммуникации минимальная реальная единица и содержание — совокупность взаимовлияний и потенциальные «фигуры состояний» (фигуральности) — ассамбляжи, которые производят высказывания с помощью трансгрессий и сонастроек человеческих и нечеловеческих участников и создают условия для того, чтобы проявилась нелинейная множественность возможного, чтобы фигуральное обрело перцептивные качества через процессы соучастия и проявление возможного, через процессы его реконфигурирования.

6. Функционирование трансгуманистических моделей коммуникации в арт-проектах и медиапрактиках доказывает, что такие признаки как гибридность сознания, гендерная нейтральность, мутабельность и неизбежность постоянной модификации человеческого тела — это в большей степени специфическая стратегия коммуникации, ситуативная установка, импровизационный жест, расширяющие понимание того, что значит быть человеком в эпоху глобализированной технокультуры, при этом сохраняющие человеческое в человеке (и прежде всего чувственное, эмоциональное, разумное, то есть биологически данное).

7. Сопоставление постчеловеческих коммуникаций в интерактивных арт-проектах и медиапрактиках выявило, что изображаемые объекты, тексты или образы визуализируют активность тел, информируют человека о том, как он действует и как действуют другие люди/тела/объекты. Это даёт возможность «вписать» тела в систему связей, отслеживать совместные изменения в становлении и предлагает опыт вовлечения человека в процессы формирования реляционных связей как с другими людьми, так и с нечеловеческими объектами, сохраняя при этом за зрителем-участником достаточную долю автономии, чтобы он мог оставаться чувствующим, думающим и действующим.

8. Соматизация постчеловеческих коммуникативных практик прослеживается в формировании и переформировании человеческих телесностей, фигуральностей телесно-воплощаемого действия, в процессах гибридизации человеческих тел с другими материальными

объектами мира (технологиями, животными, растениями, природой). Мышление и действие тела не противопоставляются, но выражаются друг через друга: одновременное изобретение в процессе выполнения является способом познания и способом мышления.

9. Рассмотрение и систематизация постчеловеческих коммуникационных практик в контексте идей Нового материализма доказывает, что подобные практики задействуют материю как поток творческих становлений в рамках композиционных процессов и материально-дискурсивного взаимодействия, где коммуникативный опыт - это опыт материальной трансформации окружающей действительности, изобретения новых потенциалов существования, а коммуникативные акты служат цели накопления энергии и циркуляции ритмов между телами и объектами.

10. Анализ аффективных и более-чем-человеческих взаимодействий в контексте философских теорий аффекта и материального экокритицизма обосновывает постчеловеческие коммуникации в качестве проводников нерепрезентационных потоков энергий-аффектов, определяемых как доличностные, неорганические силы, интенсивность которых можно искусственно модулировать или усиливать с помощью медиапрактик. Навыки соучастия человека в циркуляции и наращивании аффектов могут считаться альтернативой навыкам вербального, письменного, визуального и аудиовизуального общения.

11. Постчеловеческие коммуникации могут быть организуемы и усилены с помощью арт-практик и медиапроектов, когда художники и дизайнеры создают интерфейсы взаимодействия, с помощью которых машинное, человеческое и природное работают совместно в создании «более-чем-человеческого», которое может интенсифицироваться с помощью художественных техник.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые проведены обобщение, анализ и сравнение постгуманистических познавательных подходов, теорий и концепций, и на этой основе на примерах ряда художественных и медийных проектов выявлены модели постчеловеческих коммуникаций и обосновано новое направление научных исследований - постчеловеческая коммуникативистика.

Таким образом, в диссертационной работе:

— проведён анализ теоретических оснований для осмысления постчеловеческой коммуникации, для чего эксплицированы философские, историко-культурные и естественнонаучные контексты появления и развития постчеловеческих коммуникационных практик;

– разработано и введено в научный оборот понятие «постчеловеческая коммуникативистика»; предложены теоретическое определение и обоснование постчеловеческой коммуникативистики как системообразующего и комплексного направления в постгуманитарных исследованиях;

– разработан понятийный аппарат для исследования постчеловеческой коммуникации и описания моделей постчеловеческой коммуникации; выявлены методологические основания для анализа постчеловеческих коммуникаций;

– на основе систематизации трансгуманистических, постгуманистических, нечеловеческих и экокритических дискурсов представлена классификация постгуманизированных моделей коммуникации;

– особенности и функционирование трансгуманистических моделей коммуникации обоснованы в результате анализа специфики человеко-машинных взаимодействий, «протезных» коммуникаций в арт-проектах и медиапрактиках, в телематических и телекоммуникационных проектах, в трансперсональных и техно-телепатических коммуникациях, в коммуникациях с био-изменёнными телами, мутантами, клонами, биотварями, в робото-человеческих коммуникациях, взаимодействиях с искусственным интеллектом в контексте идеи «технической сингулярности»;

– проанализированы возможности постчеловеческих моделей коммуникаций на примерах телесно-воплощённых взаимодействий и реляционных практик в интерактивных арт-проектах;

– выявлено влияние феноменологических концепций на формирование практик дискурсивной телесности и испытания телесных событий в интерактивных арт-проектах;

– проанализирован реляционный опыт межтелесных коммуникаций;

– концептуализированы эмерджентные телесности, «дистрибьютированные тела» и распределённое соучастие в аутопоэтических арт-проектах;

– выявлена специфика и систематизированы постгуманистические модели коммуникации в контексте идей Нового материализма на примерах материально-человеческих коммуникаций в постдраматическом театре, в инсталляционных формах искусства «глубоких медиа», в видеоигровых коммуникационных практиках;

– модель «нечеловеческих коммуникаций» разработана с обращением к объектно-ориентированной онтологии и спекулятивно-реалистическим теориям применительно к арт-практикам современных художников;

- проанализирована модель «более-чем-человеческих» коммуникаций в контексте философских теорий аффекта и материального экокритицизма на примерах аффективных взаимодействий в видеоиграх, арт-проектов современных художников, межвидовых экологических коммуникаций в контексте экокритицизма и радикального экофеминизма.

- предложена оригинальная коммуникационная концепция «фигуральности действия» для анализа художественных и медийных практик;

- показана содержательная ценность постчеловеческой коммуникации в её способности отражать основные направления трансформации человека и общества и возможные формы существования постчеловека и постчеловеческого общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена новизной и актуальностью его проблематики. Работа очерчивает новое концептуальное поле – постчеловеческую коммуникативистику как культурный феномен, который позволяет выявить и подвергнуть анализу ряд важнейших характеристик современного общества и культуры.

Таким образом:

- в отношении историко-культурных и теоретико-культурных исследований диссертация вносит вклад в изучение культурной динамики конца XX - начала XXI века, связанной с распространением человеко-машинных, человеко-биологических и экологических коммуникаций. Впервые проведён комплексный философско-культурологический анализ постчеловеческих коммуникаций в художественных и медийных практиках;

- теоретически обоснованы принципы функционирования моделей постчеловеческой коммуникации;

- аффект и аффективные состояния показаны как существенные условия функционирования современной культуры;

- концептуализированы модели и способы постчеловеческой коммуникации;

- предложенная в работе трактовка понятий «фигуральность», «аффект», «кайротическое», «проайрезис», «хораграфическая рецепция» позволяют обогатить исследовательский аппарат современной культурологии и медиатеории;

- результаты диссертации могут быть использованы в качестве теоретической и методологической базы для дальнейших культурологических и философских исследований, а также для исследований и разработок в сфере цифровых и биотехнологий;

– исследовательские материалы, представленные в диссертации, могут быть использованы в практике преподавания культурологических, художественных, социологических и других специальностей.

Степень достоверности и апробация полученных результатов.

Апробация полученных результатов диссертационного исследования осуществлялась через представление основных его результатов на российских и международных научных конференциях, среди которых: Всероссийская междисциплинарная конференция «Онтология эмоционального в искусстве Нового и новейшего времени» 21 – 23 мая 2024 года (Государственный институт искусствознания); Всероссийская научная конференция с международным участием «Дизайн междисциплинарных исследований в контексте сближения моделей естественно-научного и гуманитарно-социального знания» 2–4 октября 2023 (Московский физико-технический институт, МФТИ); Всероссийская научная конференция «От “позорищных игр” до кинокомедий: история человека смеющегося», 02.06.2022 (Государственный институт искусствознания и Институт кино и телевидения ГИТР); Международная конференция в online-режиме «Искусство и машинная цивилизация», 30.04.2021г. (Государственный институт искусствознания, Институт кино и телевидения ГИТР и Санкт-Петербургский государственный университет); Международная научная конференция «Аттракционы экранной цивилизации и концепт человека», 06.04.2020г. (Государственный институт искусствознания и Институт кино и телевидения ГИТР); III научная конференция «Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа». 17.11.2020г. (Высшая школа телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова); VI Международная научно-практическая конференция «Дизайн СМИ: тренды XXI века. Визуальная коммуникация в кроссплатформенных медиа» 14.11.2019г. (МГУ имени М.В. Ломоносова); 4-дневный Международный форум «Старые и новые медиа: пути к новой эстетике», 26.03.2019 года (Государственный институт искусствознания Институт кино и телевидения ГИТР) и др.

Основные положения, материалы и выводы диссертации отражены в 60 научных работах, в том числе 29 статей в профильных изданиях, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук.

Основные положения и выводы диссертации нашли своё отражение в монографии: Деникин А.А. «Цифровая фотография и современное искусство». М: Нестор-История, 2016. - 224 с.

Отдельные положения и проблемные вопросы исследования нашли отражение в соответствующих главах коллективных монографий: «Звук, игра, образ: междисциплинарные контексты современного кинематографа» / А.А. Деникин, А.В. Марков, Ю.С. Реунов, А.Н. Фоменко, С.Ю. Штейн; науч. ред. Колотаев В.А. Российский государственный гуманитарный университет. - Москва: РГГУ, 2022. — 278с.; «Медиа в эпоху дабл-пост» / Васенина Е.В., Кузовенкова Ю. А., Деникин А. А., Николаева Е. В., Стракович Ю. В., Тараканова Е. М., Шеметова Т. Н. М.: Издательские решения, 2018. — 168 с.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 5.10.1. – теория и история культуры, искусства (философские науки), а именно: 6. Культура и цивилизация в их историческом развитии. 8. Культурогенез и антропогенез, эволюция культурных форм. 38. Культура и коммуникация. Межкультурные коммуникации. 42. Экология культуры и природы. Синергетика культуры. 43. Прогностические функции культуры. Культура и футурология. Культура Нового и Новейшего времени. 75. Медиакультура. Цифровая культура. 78. Синтез искусств и синестезия как культурологические проблемы. 89. Концепции культуры как игры и её современные модификации. 104. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик. 105. Подходы к изучению культурных форм и практик в cultural studies. 107. Подходы к изучению культурных форм и практик в media studies. 113. Искусство как социальное явление. Социальные функции искусства. 119. Эпистемология, онтология, аксиология искусства. Универсалии в искусстве. 124. Художественные эксперименты и течения в искусстве XX века. 127. Современный художественный процесс.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, разделённых на параграфы и подпараграфы, заключения и библиографического списка, содержащего 540 наименований (из них 349 на английском языке). Текстовый объем работы – 449 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** диссертационного исследования определены актуальность выбранной темы и степень научной разработанности проблемы постчеловеческой коммуникации, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи диссертации, представлена теоретико-методологическая основа исследования, продемонстрирована научная новизна работы, представлены основные положения, выносимые на защиту, приведены сведения о теоретическом и практическом значении и апробации результатов диссертационного исследования.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Постчеловеческая коммуникативистика как область философско-культурологического научного дискурса: теоретические и методологические основания» носит теоретико-методологический характер и посвящена раскрытию базовых установок и основополагающих подходов для исследования феномена постчеловеческой коммуникации. Даётся определение постчеловеческим коммуникациям, прослеживается их генезис, понятийный аппарат, связь с современными культурными тенденциями и приводятся методологические основания анализа постчеловеческой коммуникации.

В параграфе 1.1. «Нечеловеческий поворот» и изменения в понимании задач и способов коммуникации» указаны теоретические предпосылки формирования концепции «постчеловека», выявляются причины и следствия изменений, влияющих на то, как может пониматься коммуникация в современной медиатизированной культуре.

Понятие «*постчеловек*» определяется как гибридная сущность, пребывающая в переходном состоянии между человеком и нечеловеком. Постчеловеческое тело - это тело, дополненное технологиями, тело, находящееся в беспрестанном цикле реконфигураций и переопределения того, что значит быть человеком.¹⁵

Определение «постчеловека» не означает перехода к какому-то новому, полностью перерождённому состоянию человека. Это не то, что приходит после исчезновения человека, но то, что продолжает человека в новых условиях. Постчеловеческое не означает дегуманизацию и обесчеловечивание коммуникаций, но новую ступень техногуманизма.

На основе уточнения дискурсивной специфики современных философских течений - трансгуманизма, теории спекулятивного реализма, объектно-ориентированной онтологии,

¹⁵ Деникин А. А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. С. 33-53.

постгуманизма, машинно-телесного и политико-критического дискурсов, экокритицизма и экологического феминизма выявляются способы и методы коммуникации, отвечающие концептуальному содержанию каждого из этих направлений.

Так, в подпараграфе 1.1.1. «Философия трансгуманизма и биокибернетические коммуникации», даётся характеристика *трансгуманизму* как гуманитарно-техническому направлению XXI столетия, утверждающему необходимость перехода человека, общества и культуры в принципиально новое постчеловеческое состояние существования.

На основе концептуальной базы трансгуманизма выявляется ряд идей, позволяющих дополнить и переосмыслить человеческие и человеко-машинные коммуникации. Это идея медицинско-биологических взаимодействий с человеческими телами ради последовательного улучшения жизни человека (усовершенствования тела, избавления от страданий, достижения счастья и пр.), идея коммуникаций с биологическими материалами на генетическом и нанобиологическом уровне для управления процессами функционирования организма человека, достижения бессмертия (победа над болезнями, старением), идея постчеловека как киборга, мутанта, неббиологического создания (постчеловек как «вершина эволюции») с выстраиванием коммуникаций с подобными созданиями, антитрансгуманистические идеи (идеи противников трансгуманизма, споры о последствиях трансгуманистических идей), которые предоставляют широкие возможности для рассуждения о постчеловеческих коммуникациях.

В подпараграфе 1.1.2. «Объектно-ориентированные аспекты нечеловеческих коммуникаций» в культурологическом ключе рассматриваются философские аспекты спекулятивного реализма (К. Мейясу, Р. Брассье), феноменологии «чужих» (Я. Богост), объектно-ориентированной онтологии (Т. Мортон, Г. Харман) и, частично, акторно-сетевой теории (Б. Латур). Всех их объединяет попытка мышления за пределами человеческого, желание рассуждать о природных, объектных и космических процессах вне какой-либо корреляции с человеческим сознанием и социальными причинами.

Эти философии расширяют представления о специфике постчеловеческой коммуникации предлагая следующие следующие её варианты:

- коммуникации объектов, происходящие вне какого-либо участия человека;
- коммуникации с участием людей, но проходящие вне пределов человеческого мышления (о них невозможно помыслить), «вне чего-либо живого или желающего» (К. Мейясу), коммуникации, сущность которых полностью а-субъективна;

- дематериализованные коммуникации, которые не имеют никакого отношения к человеческому телу, чувствительности или восприятию и интерпретации. Они отключены от физического мира и стремятся к «подлинной интеллектуальной интуиции абсолюта» (Мейясу);
- коммуникации, которые смыкаются с некорреляционным мышлением о них и включают в себя то, что Ж. Делёз и А.Н. Уайтхед называли «аффектами»;
- коммуникации, которые могут реализоваться вне какой-либо человеческой интенциональности, например, через автоматическое документирование человеческих действий, событий, явлений, движения предметов, объектов, веществ и пр.

В подпараграфе 1.1.3. «Постчеловеческие технологии и машинно-телесные коммуникации» рассматривается *постгуманизм* - особый дискурс и современное философское течение, осмысляющее технизацию, роботизацию и цифровизацию во всех аспектах человеческой жизни. Постгуманисты полагают, что понимание «постчеловеческого» в современной культуре не обязательно означает отказ от всего человеческого, тотальную роботизацию, устранение человеческой телесности, эмоциональности и субъектности (Р. Брайдотти; К. Хэйлз, М. Хансен, А. Мюнстер). Именно взаимодействие между человеческими телами и машинами определяет то, чем является человек цифровой эпохи.

В рамках постгуманистического телесно-ориентированного дискурса постчеловеческие коммуникации – это такие коммуникации в которых:

- человеческое тело, претерпевающее существенные изменения благодаря новым цифровым технологиям, определяет включённость человека в процессы генерации информации;
- коммуникации, в которых потенциальные телесности коммуникантов формируются и перестраиваются в результате множественных взаимодействий. Тело становится «пористым», мутабельным, превращается в «устройство для обработки информации» (Д. Харауэй), в канал свободно перемещающейся информации;
- коммуникации, в которых разрушаются границы между человеком и машиной. Они поддерживают неиерархический, неантропоцентрический подход к окружающей среде, состоящей как из человеческих, так и нечеловеческих сущностей-актантов равноценных в коммуникационных процессах (Дж. Беннетт);
- коммуникации, которые учитывают человеческую жизнь как встроенную в материальный мир огромной сложности (К. Хэйлз, Б. Латур).

В подпараграфе 1.1.4. «Критический постгуманизм и реляционные коммуникации» исследуются подходы критически настроенных постгуманистов (С. Хербрехтер, К. Вулф,

Р. Брайдотти, Н. Бадмингтон и др.). Версия коммуникаций, связываемых с критическим постгуманизмом, предполагает сохранение материальности человеческого тела, но при этом выстраивании настолько тесных связей между человеком и нечеловеческим окружением (природой, техно-сферой, любыми объектами), что человек не может рассматриваться как центр мироздания. Животные, организмы, объекты, машины, процессы и технологии обладают равным потенциалом для деятельности.

Реляционность рассматривается как особый способ коммуникации¹⁶. В современных реляционных медиа- и арт-проектах пользователи и компоненты интерактивных пространств взаимозависимы: цепь взаимных интеракций (действие/реакция) преобразует каждого из участников. Такая коммуникация понимается как процесс выстраивания отношений, а качества взаимодействующих тел рассматриваются с точки зрения их способности изменяться и реагировать.

Предполагается, что это шаг к новому пониманию целей и задач коммуникации, заключающихся теперь в создании «линий ускользания» (Ж. Делёз) и изобретения новых потенциалов существования.

В подпараграфе 1.1.5. «Энвайронментализм, экофеминизм и «более-чем-человеческие» коммуникации» рассматриваются экологически-ориентированные теории, которые последовательно выступают за отказ от технического развития, возвращение к природе.

Приводятся примеры «более-чем-человеческих» коммуникаций - коммуникаций, в которых человек неотделим от всех органических и неорганических объектов в окружающей среде, неотделим от природы и окружающего пространства, открыт по отношению к окружающей среде.

В параграфе 1.2. «Постчеловеческая коммуникативистика как исследовательское направление и область гуманитарного знания» вводится и раскрывается новое направление философско-культурологических исследований – *«постчеловеческая коммуникативистика»*.

В самом общем плане постчеловеческая коммуникативистика определяется как совокупность научных представлений о месте и роли постчеловеческих коммуникаций, об их возможностях, закономерностях функционирования и развития. Она изучает процессы обмена

¹⁶ Деникин А. А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. С. 33-53.

нерепрезентативной информацией в сложных материально-дискурсивных процессах как в природных средах, в социальных структурах, так и в личном опыте человека.

Концентрируясь на исследовании разнообразных материально-дискурсивных обменов («интра-акций», как их обозначает философ К. Барад) постчеловеческая коммуникативистика может стать сферой интенсивного исследования актуальных вопросов современной медиакультуры, экологической и человеко-машинной коммуникации.

В параграфе 1.3. анализируется понятийный аппарат постчеловеческой коммуникативистики.

В подпараграфе 1.3.1. «Постчеловеческий субъект, агентность, становление: реляционная коммуникация как соучастие и испытание» внимание сосредоточено на трансформациях понятия «коммуникационного субъекта». Человеческий субъект не рассматривается как начало и конец мысли, коммуникации, смыслопорождения. Коммуникация (как и мысль) движется через человека, а не исходит от человеческих существ. В результате взаимообусловленного действия гибридные человеко-машинные и коллективные человеческие образования способны представлять себя, выражать свою самость и самообновляться, будучи результатом деятельности множества агентов.

В подпараграфе 1.3.2. «Содержание» постчеловеческой коммуникации: ассамбляж, актуальное/виртуальное и фигуральности действия» анализируется содержательная сторона постчеловеческой коммуникации. Важный конструкт здесь - *ассамбляж* (сборка), который объясняет, как различные по своему характеру сущности собираются вместе в сложных сетях, порождая и разрушая смыслы, значения, формы, да и реальность как таковую. Сборки содержат виртуальный потенциал множественных актуализаций. Инвариантность реализации возможного в конкретной сборке (ассамбляже) связывается с *фигуральным*.

Проводится анализ понятия «фигуральное» в работах Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Делёза, в результате чего фигуральное определяется как внесознательное, противопоставляемое репрезентативному, фигуративному. Фигуральное может быть представлено как особая сила или неконтролируемая энергия, энергия «желания» (Делёз), которая заставляет человека выбирать (материализовывать) ту или иную фигуру из множества возможных фигуральностей.

То есть фигуральное – это случай возникновения различий между одним возможным и его инвариантом (фигуральностями).¹⁷

Делается вывод о том, что в постгуманистических медиа- и арт-проектах художники, дизайнеры и пользователи-партиципанты соучаствуют в процессах циркуляции и наращивания фигурального.

Задача постчеловеческих коммуникаций в создании условий, чтобы проявилась нелинейная множественность возможного, чтобы фигуральное обрело перцептивные качества через процессы соучастия.

В подпараграфе 1.3.3. «Интерпретация в действии: энактизация и межактантная интра-активность в "постчеловеческой" коммуникации» на основе философских теорий Ж. Симондона, И. Пригожина и И. Стенгерс, К. Барад фиксируется отход от коммуникативной модели, основанной на репрезентации, отражении и интерпретации к *энактивной модели*¹⁸ воспринимающего и действующего субъекта/субъектов-агентов, основанной на концепции восприятия как телесного действия¹⁹. В такой модели нет различий между мыслью и действием: множество потоков деятельности, которые производят опыт мысли и действия. Действие здесь – комплексный феномен, опыт всего тела, а не сумма механических движений в соответствии с указаниями разума.

В подпараграфе 1.3.4. «Телесно-воплощённые коммуникации: процессуальные тела, эмерджентная телесность, интеркорпоральность» утверждается, что в постгуманистических коммуникациях человеческие и нечеловеческие тела, активности тел и телесные реляционные становления генерируют информацию. Тела обнаруживают свои возможности в качестве «медиума» - места создания и циркуляции знаний, данных, эмоций и аффектов.

Включение аффекта в теорию коммуникации, особенно в отношении медиапродуктов и арт-проектов, следующих парадигме «телесно воплощённого взаимодействия», анализируется в **подпараграфе 1.3.5. «Аффект, аффективные телесности и коммуникация».**

¹⁷ Деникин А. А. Критика некоторых положений теории перформативности Э. Фишер-Лихте (на примерах практик соучастия зрителей в партиципаторных перформансах) // Журнал «Наука телевидения», 2021. т. 17. № 1. С. 147.

¹⁸ Князева Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.

¹⁹ Noë A. Action in Perception. Cambridge: The MIT Press, 2004. 296 p.

Аффект (лат. *affectus*) определяется как становление, доличностная, неорганическая сила (Ж. Делёз и Ф. Гваттари)²⁰, воздействие или вытеснение (Г. Сейгворт и М. Грегг)²¹, способность человеческого тела (и не только человеческого тела) действовать или быть действующим (Б. Массуми)²², как «доиндивидуальные телесные силы, увеличивающие или уменьшающие способность тела действовать».²³

Аффектированные процессы отделены от смысла, веры или познания, происходят на уровне автономных, предсознательных телесных реакций, откликов и резонансов. Аффекту свойственно возникать в зонах неопределённости, определяя способность человека действовать и быть объектом воздействия, побуждая его к движению, переживанию, к мысли и расширению своих возможностей. Аффект передаётся от тела к телу (человеческому, нечеловеческому, частичному телу и иным образом), обнаруживается в тех резонансах, которые циркулируют вокруг, между телами и мирами, а иногда и «прилипают» к ним, и в самих переходах или вариациях между этими интенсивностями и резонансами. В этом смысле, аффект является свидетельством постоянного погружения организма в напряжения и ритмы материального мира.

В этой связи требуется выработка и утверждение новых режимов организации и циркуляции аффективного знания, телесного восприятия и аффективного «мышления». Тело, становясь информационным, делает актуальным вопрос о взаимоотношениях, устанавливаемых между биологией и информацией, материей и информацией, самой жизнью и информацией.

В подпараграфе 1.3.6. «Более-чем-человеческое восприятие и зона «между» в концепции "более-чем-человеческой" коммуникации» категория «более-чем-человеческого» связывается с энактивным, телесно-ориентированным, аффективным режимами взаимодействия между людьми и объектами окружающего мира. Здесь действуют процессы совместного конфигурирования аффективного «поля свершения» (определяющие чувственное) в результате соучастия множественных актантов в создании жизненных событий, ситуаций, процессов и коллизий.

Совместные активности человека, животных, бактерий, объектов, технологий и пр. выступают в роли «провокаторов» процессуальных изменений и общими усилиями задают

²⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Пер. Я.И. Свирского. Екатеринбург, М., 2010.

²¹ Seigworth G. J., Gregg M. An inventory of shimmers. In M. Gregg & G. J. Seigworth (Eds.), *The affect theory reader*. Durham, NC: Duke University Press, 2010. Pp. 1–25.

²² Massumi B. Translator's foreword: Pleasures of philosophy // G. Deleuze & F. Guattari (Eds.), *A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press., 1987. Pp. ix–xv.

²³ Clough Patricia T. The affective turn: political economy, biomedica and bodies//*Theory Culture & Society*,25:1,2008.P.1.

сферу «более-чем-человеческого» чувственного посредством совместного производства социально-материальных «экологий» и вовлечения в них всё новых актантов.

Понятие «более-чем-человеческое» позволяет обратиться к *сонастройке* на незаметные движения и силы, которые подчёркивают (и эмоционально обуславливают) человеческий опыт, но которые часто превосходят человеческие возможности запечатлеть или сознательно «представить» их. Акцент на движении потоков и интенсивностей, на работе невербализируемых материальных сил позволяет уйти от расчленяющего и самодостаточного суждения в сторону мышления с помощью случайных столкновений и взаимодействий.

В подпараграфе 1.3.7. «Человеко-животная гибридизация, биотическая чувственность, материальная дифференциация в природных коммуникационных процессах "становления-с"» рассматривается альтернативная, но всё же достаточно близкая к «более-чем-человеческой», стратегия экологических коммуникаций, которая обращается к выстраиванию взаимодействий с животными и биологическими созданиями.

Экокритическое направление (Д. Абрам, С. Алаймо и другие учёные-неоматериалисты) настаивает на том, что нечеловеческие живые создания не просто существа, но активные семиотические агенты. Главный аргумент *материального экокритицизма* (материальный феминизм, экоматериализм, агентный реализм, «призматическая экология» и материальный экокритицизм) заключается в том, что, если материя активна, она также должна быть способна выражать себя.

«Становление-с» - это квинтэссенция экологической коммуникации, через которую все земные формы жизни и сама материя во всех её формах указывают на взаимопересекающиеся истории множества сущностей, и в том числе человека.

Перемещаясь по человеческим телам, бактерии, микробы и многие элементы окружающей среды восполняют свою энергию и помогают человеку выживать. Постчеловеческая коммуникация здесь - это непредсказуемая бифуркация, «запутанность» в огромных хитросплетениях антагонистических сил.

Параграф 1.4. «Методологические основания анализа постчеловеческих коммуникаций» описывает мультидисциплинарную и экспериментальную методологию для анализа постчеловеческой коммуникации.

В подпараграфе 1.4.1. «Аффективная методология в исследовании коммуникации» анализируется ситуационный метод исследования, предложенный учёными-культурологами

Б. Кнудсен и К. Стейджем, основанный на неразрывной «взаимосвязанности [опыта] исследователя и полученных знаний»²⁴. Для сбора телесно-воплощаемых данных они рекомендуют использовать вовлечённое наблюдение в качестве инструмента, сосредоточив внимание на формальных, стилистических характеристиках общения, уделяя внимание невербальным проявлениям и жестам, как признакам аффективных «процессов в действии».

Ряд других исследователей рекомендуют обращаться к телесным практикам, к фиксации эмоциональных состояний и телесных реакций, вовлекать исследователя во взаимодействие с объектом «кинестетически и аффективно».²⁵

Принципы отстранённого, беспристрастного научного наблюдения заменяются альтернативными моделями, такими как «сенсорное партнёрство» с «подопытными объектами»²⁶ или «миры науки и искусства»²⁷. Они предполагают непосредственное взаимодействие с объектом исследования, а не контроль над ним.

Ещё одним методом, используемым при изучении постчеловеческих медиакommunikаций и имеющим аффективные качества, является *автоэтнография*. Аффективные реакции самого исследователя могут быть использованы в качестве данных для исследования. Это новый вид данных - воплощённые, эмпирические данные, зависящие от конкретного случая опыта.

Подпараграф 1.4.2. «Концепция «electracy» Г. Ульмера как новый аппарат коммуникации и смыслопорождения» посвящён «хорографической методологии» и концепции «электрейси»²⁸, предложенным философом и исследователем новых медиа Г.Ульмером в качестве нового коммуникативного аппарата, альтернативного вербальной коммуникации, письменности и грамотности.

Развивая идеи Ж. Деррида, Ульмер полагает, что в «электрейсном познании» опора на чувственное и случайно открываемое (изобретаемое) должна стать альтернативой специфичным для грамотности требованиям аргументации и последовательности в изложении фактов.

²⁴ Knudsen B.T., Stage C. (eds) *Affective Methodologies*. Palgrave Macmillan, London. 2015. P. 5.

²⁵ Myers Natasha. *Rendering life molecular: models, modelers, and excitable matter*. Durham: Duke University Press, 2015. P. 1. Marks Laura U. *The Skin of the Film : Intercultural Cinema, Embodiment, and the Senses*. Durham and London : Duke University Press, 2000. P. 153.

²⁶ Hustak Carla, Myers Natasha. *Involutionary Momentum. Affective Ecologies and the Sciences of Plant/Insect Encounters // Differences. A Journal of Feminist Cultural Studies* 23, no. 3, 2012: 84.

²⁷ Haraway D. *Staying With the Trouble. Making Kin in the Chthulucene*. Durham: Duke University Press, 2016. P.64.

²⁸ Деникин А. А. Концептуализация пост-экранного аффективно-телесного опыта в исследованиях цифровых интерактивных мультимедиа // *Международный журнал исследований культуры*. 2020. № 1 (38). С. 178-201.

Метод Г. Ульмера делает моменты самооткрытия, «моменты эврики» ключевыми для понимания коммуникации и электрейсного типа мышления. Через погружение в рефлексивное самоисследование партиципant-«агент» (как обозначает его Ульмер) переживает моменты озарения и чувственного наполнения, размыкает грани собственной идентичности и прочувствует возможности собственной или совместной активности.

«Электрейси» способствует активному и творческому обучению через индивидуальные изобретения возможного, когда новое открывается не благодаря пошаговым инструкциям, сообщаемым реципиенту учителем или автором, но через индивидуальные практики апроприации, ремикширования, экспериментирования с формой и смыслами.

Новый аппарат смыслопорождения, предложенный Г. Ульмером, восстанавливает интерес к телесному, аффективному, случайному, висцеральному аспекту знания. Здесь тело участника производит аффективные знаки перформативного «языка» в результате взаимовлияния конкретного топоса (места), окружающей среды, материальных вещей, аудитории и пр. условий. И ульмеровская альтернатива вербальному и письменному языку – *хораграфия* (англ. *choragraphy*) – особый способ организации и обмена партиципаторным знанием в эпоху цифровых коммуникаций и метод топологического изобретения, основанный на грамматологии Ж. Дерриды и возможностях «электрейси».

Хораграфия понимается как метод выявления (испытания) возможного через изобретение (и воплощение) конкретной реализации чего-либо из набора потенциальных возможностей. Вписывая собственными действиями телесные фигуры в пространство артефакта, партиципant «касается» хоры через материализацию телесно-воплощаемых фигуральностей.

В подпараграфе 1.4.3. «Дифракционный анализ как метод исследования постчеловеческих коммуникаций» предпринята критика рефлексии - одного из самых востребованных способов анализа большинства из известных искусств, медиапрактик, текстов. В противовес рефлексии как способу получения знаний философы Д. Харрауэй и К. Барад предложили «дифракцию» как модель мышления и анализа коммуникации в рамках нерепрезентативного подхода.²⁹

Дифракция предполагает вовлечение субъекта в физическое конструирование объекта/пространства посредством их отношений друг с другом - того, что Барад называет

²⁹ Barad Karen. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning, Durham, North Carolina 2007. 544 p.; Donna Haraway, Thyrza Goodeve. Modest_Witness@Second_Millennium.FemaleMan_ Meets_OncoMouse. Feminism and Technoscience. New York, 1997. 361 p.

«интра-акциями»³⁰. Никакие субъекты и объекты заранее не наполнены смыслом или присущими им свойствами. Субъекты и объекты приобретают смысл внутри явлений и в результате совместных интра-акций.

В качестве методологического подхода дифракционный анализ исследует, как материальные объекты и процессы могут быть поняты через эффекты, создаваемые их различием³¹. При анализе данных, вместо того, «что это значит?» необходимо интересоваться «как это работает?» и «что делает этот текст или данные?».

Подпараграф 1.4.4. «Метамоделирование и анализ потенциального как метод исследования» обращён к идеям американского философа Э. Мэннинг, которая предлагает ориентироваться на «методологии становления» (becoming-methodologies), «исследования-создания» (research-creation), которые дают возможность мыслить за пределами известного, открывать новое в результате испытания становления знания из неизвестного.³²

Концепция «исследования-создания» направлена на организацию ряда пересекающихся направлений исследования посредством отработки сразу нескольких (часто противоположных) концепций и проведении художественных экспериментов. Такое исследование направлено не на то, чтобы прийти к какому-то единому решению, а скорее нацелено на создание «ассамбляжей-машин» для изучения потенциала непредвиденных становлений и действий, пытаясь допустить спекулятивное мышление и имманентную связь любых идей.

Предложенные в параграфе методы ещё не устоялись в достаточной степени в современном научном мире и требуют уточнения и апробации в конкретных практиках анализа постгуманистических коммуникаций. Такая работа проделана в следующих главах диссертационного исследования.

ВТОРАЯ ГЛАВА диссертационной работы «Трансгуманистические модели коммуникации в арт-практиках и медиапроектах» посвящена исследованию трансгуманистических коммуникаций в художественных и медийных практиках. Под «моделью коммуникации» понимаются «составные элементы и функциональные характеристики процесса коммуникации»³³. Во второй главе анализируются основные понятия и дискурсы трансгуманизма на примерах конкретных художественных и медийных проектов, выявляются

³⁰ Barad Karen. Meeting the Universe Halfway, 2007, p.90.

³¹ Barad Karen. Там же, 2007, p.71.

³² Manning Erin. The Minor Gesture. Durham: Duke University Press, 2016. P. 34.

³³ Кашкин В. Б. Коммуникация // Большая Российская энциклопедия [отв. ред. С. Л. Кравец]. Т. 14. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. 749с. С. 659.

основные модели коммуникации, соответствующие проблематике трансгуманизма, а также прослеживаются общие векторы в понимании целей и задач трансчеловеческих коммуникаций.

В параграфе 2.1. «Человеко-машинные взаимодействия и «протезные» коммуникации: киборги, имплантирование, технические дополнения и расширения» утверждается, что большинство проектов трансгуманизма характеризуют понятия «протеза», «киборгизации», «генетики», «телематики», «нейротехнологии» и «робототехники». В параграфе прослеживается этимология понятия «киборга» как гибрида машины и биологического организма.

Анализ философско-культурологических исследований киборгов позволяет сделать вывод, что в отношении киборга коммуникация становится не средством сообщения-передачи упорядоченной информации, но способом формирования ситуативной субъективности.

Интернет-перформансы художника Стелиоса Аркадиу, известного как Стеларк, открывают новые пространства для процессов «становления» между биологической формой человека и технологией, что делает концепцию «хораграфического исследования» Г. Ульмера подходящей в качестве методологии исследования работ Стеларка. Грамотность киборга (или «элетрейси», по Ульмеру) означает готовность интуитивно подключать, разъединять, варьировать технологические дополнения к своему телу в поиске наиболее удачного стечения обстоятельств и готовности использовать в своих целях эти обстоятельства.

Для понимания содержательной стороны арт-проектов Стеларка важным представляется анализ ситуативных взаимовлияний и дифракционных становлений (в терминах К. Барад) - то, что составляет специфику дифракционного и хораграфического подходов в постчеловеческих исследованиях.

Вместе с тем, эксперименты Н. Харбиссона, М. Рибас, Дж. Декни, П. Лопеса, перформансы Стелларка и многих других киберхудожников при всей оригинальности и провокативности сохраняют необходимость в человеческом субъекте, способном оценивать происходящее извне, задавать художественные и этические вопросы, искать и находить на них ответы в реальной практике.

Параграф 2.2. «Телематика и телекоммуникации: расширения тел, сетевые тела-узлы» касается вопросов возрастающего влияния удалённых коммуникаций, взаимосвязи техники и человека, отношений, которые выстраиваются между людьми, взаимодействующими с помощью телекоммуникационных каналов.

Телекоммуникационное искусство и телероботическое искусство предлагают любому участнику на собственном опыте испытать и осмыслить телекоммуникационные ситуации: удалённое присутствие, реальное/нереальное, вуайеризм, слежку, манипулирование, неповиновение управлению и прочие. Это иллюстрируется на примерах работ Н. Дж. Пайка, К. Галлоуэй и Ш. Рабинович, Э. Каца, Э. Паулоса, М. Родемера и М. Фудзихаты.

Общим для этих работ является обращение к ощущениям человеческого тела. Какими виртуальными или удалёнными не были бы взаимодействия, именно чувства реальных материальных человеческих тел определяют их функционирование и процессы коммуникации.

В параграфе 2.3. «Нейрокоммуникационные модели: трансперсональные, телепатические коммуникации» обсуждаются коммуникационные возможности внедрения нейрокомпьютерных технологий. Делается вывод, что современные НКИ-эксперименты в большей степени концентрируются на реляционных эффектах человеческого взаимодействия. В отношении коммуникации наиболее значительным влиянием таких проектов является дизайн человеко-машинных взаимодействий, поскольку в нейрокоммуникационных трансгуманистических моделях применение любых интерфейсов - это всё ещё человеческая коммуникация.

В параграфе 2.4. «Коммуникации с био-изменёнными телами: мутанты, клоны, биотвари» исследуется то, как современное состояние биотехнологии, развитие генной инженерии и связанных с ней методов изменения живых организмов на молекулярном и геномном уровне влияют на изменение отношения к коммуникациям. Рассматриваются работы художницы Орлан, произведения Э. Каца, арт-эксперименты Т. Фойерштайна, инсталляции П. Пиччинини и американского фотохудожника Дэниела Ли.

В параграфе 2.5. «Робото-человеческие коммуникации: био-технические гибриды, искусственный интеллект и взаимодействия в контексте идеи “технической сингулярности”» решается задача поиска возможностей для успешного общения с роботами, взаимодействия с роботизированной техникой, разработки особых подходов к реализации человеко-машинных коммуникаций.

Все анализируемые в параграфе примеры экспериментов художников с роботами уходят от коммуникации как средства обмена сообщениями к организации процессов совместной активности, где люди и роботизированные машины – это различные, не равные друг другу участники, но при этом динамически взаимосвязанные.

Делается **вывод второй главы** о том, что трансгуманистическая модель коммуникации указывает на возможность человеку принять технологического «Другого», при этом оставаясь самим собой. Эта модель связана с необходимостью подключать, разъединять, варьировать технологические дополнения человеческого тела, в поиске наиболее удачного стечения обстоятельств и готовности использовать в своих целях эти обстоятельства. Трансгуманистическая модель обеспечивает новые конфигурации именно человеческой субъектности – изменчивой, подвижной, формирующейся в потоке информации, настраивающейся и перестраивающейся благодаря складывающимся социальным, техническим и материальным условиям.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Телесно-воплощённые взаимодействия в интерактивных арт-проектах как модель “постчеловеческой” коммуникации» делает акцент на выявлении специфики телесно-воплощённых взаимодействий и их философско-теоретического осмысления. Анализируются телесные режимы цифровых медиакommunikаций в интерактивных инсталляциях современных художников.

В параграфе 3.1. «Постгуманизм и кайротическая коммуникация: телесно-воплощённые и реляционные практики» утверждается, что при анализе реляционных постчеловеческих коммуникаций необходимо изучать не какой-то единый объект (произведение) и его значение и восприятие, а сферу возможностей, которые зависят от вероятностных отношений внутри и между несколькими динамическими системами.

Новые коммуникативные формы соучастия (цифровые, локативные, смешанные) обращены к физическим проявлениям, действиям, аффективным состояниям людей и представляют собой вариант *кайротического* типа коммуникации, для которого телесный компонент более значим, нежели вербально-смысловой.

Анализируется концепция *гипокризии* применительно к современным интерактивным и партиципаторным арт-практикам.

В параграфе 3.2. «Феноменологическая и дискурсивная телесности: к испытанию телесных событий в интерактивных арт-проектах» рассматривается пласт современных художественных практик, которые находясь на пересечении постгуманистического и феноменологического дискурса, так или иначе затрагивают вопросы человеческой телесности и кинестетических способов человеко-машинной коммуникации.

Феноменологические практики постчеловеческой коммуникации в интерактивных инсталляциях сохраняют отношение к дискурсивности, к режимам субъективного

смыслопорождения. Однако они всё активнее задействуют тела зрителей-участников не в качестве условия для рецепции произведения, а в качестве компонента самого произведения, что отдаляет задачи коммуникации от обмена идеями и демонстрации образов, направляя их в сторону прямого материального взаимодействия и выстраивания реляционных связей.

Параграф 3.3. «Реляционный опыт межтелесных коммуникаций» посвящён рассмотрению идей философов А.Н. Уайтхеда, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые в противоположность феноменологической философии концептуализируют человеческое тело как «виртуальное тело»: как дробную и не самождественную серию процессов, потоков, телесных сущностей и событий, интенсивностей и длительностей. Они полагают, что человеческая телесность реляционна (зависит от взаимодействий как тела с самим собой, так и с телами других людей и сущностей), топологична, эмерджентна, а тело человека всегда активно, самообновляемо.

Интерактивные медиаинсталляции рассматриваются как человеко-машинные ассамбляжи, в которых объединяются, взаимодействуют и влияют друг на друга разнообразные элементы. Задача такой «дифракционной» коммуникации - не в актуализации определённой формы, смысла или содержания, но в реализации инвариантов возможного, потенциального для себя, что созвучно цифровым и партиципаторным арт-практикам.

В параграфе 3.4. «Телесные коммуникации и машинные «тела»: реляционность в интерактивной рецепции» на основе теорий Ж. Делёза и Ж. Симондона рассматривается «машинные коммуникации» - форма интерактивного взаимодействия человека и машин, в которых решающую роль играет сочетание материальных условий, человеческой активности, технологических ограничений и технических случаев. Случайные действия пользователя и случайные действия машины переопределяют друг друга, направляют становление друг друга. Место единого субъекта, который осуществляет управление объектом, занимает совокупность или сеть объектов и процессов, которые влияют друг на друга и находятся под влиянием друг друга. Таким образом, не объекты говорят пользователю, и не пользователь говорит с объектами, но их совместное действование «говорит».

В параграфе 3.5. «Эмерджентные телесности, дистрибьютированные тела и распределённое соучастие в аутопоэтических арт-проектах» рассматриваются работы современных художников, обращённые к концепции *аутопоэзиса* (Фр. Варела, У. Матурана). Применительно к коммуникации аутопоэзис заменяет позицию внешнего объективного

коммуниканта-наблюдателя на процессы переживания содетерминированности между артефактом и зрителем. Наблюдатель и арт-объект становятся соучастниками в постоянно трансформируемом пространстве произведения. Коммуникация рассматривается как результат включённости реципиента в функционирование системы, способности выполнять в ней структурно-значимые функции.

В результате пользовательских трансгрессий и сонастроек бывшие зрители и нынешние участники-пользователи сонастраиваются с действиями медиаобъектов, а медиаобъекты сонастраиваются с действиями пользователей. Информация, ощущения, эмоции генерируются в процессе физического, «материального» взаимодействия.

Таким образом, в интерактивных «постчеловеческих» моделях коммуникации медиальные средства не представляют человеческое тело, но визуализируют активность тел, формирующихся в ситуациях отношений и в этом обретают свой «смысл». Информирова человека о том, как он действует и как действуют другие люди/тела, образы дают возможность «вписать» тело участника в систему связей и отслеживать своё становление совместно с ней. Они позволяют пережить опыт телесного вовлечения в процессы формирования этих систем, сохраняя при этом за человеком достаточную долю автономии, чтобы он мог оставаться чувствующим, думающим и действующим.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА «Постгуманистические модели коммуникации в контексте идей нового материализма» посвящена коммуникативным практикам, близким теоретическим положениям критического постгуманизма и «Нового материализма».

В параграфе 4.1. «Новый материализм и постгуманистические коммуникации» медиакommunikации переосмысливаются на основе философских тезисов критического постгуманизма и Нового материализма.

Во-первых, медианосители (как и любые другие объекты) определяются новыми материалистами не как инструменты для передачи информации, а как действующие «актанты», которые постоянно оказывают воздействие на мир и людей, взаимодействующих с ними.

Во-вторых, Новый материализм акцентирует внимание на процессах энактивного конструирования мира, что позволяет говорить о медиарецепции не как о передаче и усвоении данных, но как о совместном со-конструировании информации через взаимодействия между коммуникантами и медиаобъектами.

В третьих, в новоматериалистических практиках граница между метафорическим языком описания и самими объектами стирается. Материальность коммуникативной практики и

её значения взаимосвязаны и неразделимы, перформативны, то есть представляют собой совместное образование и появление материи и значений, вещей и идей.

В четвёртых, Новый материализм акцентирует внимание на аспектах тактильного, кинестетического взаимодействия между аудиторией и произведением/медиа объектом. Такой подход рассматривает коммуникацию как воплощённую и телесную, в определённой степени ускользающую от репрезентативного представления (то есть от практик создания смысла). Это влечёт, по крайней мере, частичную невыразимость смысла в подобных практиках, их аффективно-эмоциональное функционирование.

В пятых, в Новом материализме нет места для внутренне присущих качеств медиаобъектов (эссенциализма), потому что всё, что есть в практике, формируется в настоящем моменте её совершения, и всё, что происходит, меняется не на основе какой-то присущей «энергии» или «виталистической силы», но благодаря ситуативным действиям материи.

Материалистический подход предполагает осознание человеком своей причастности к «открытию» и непрерывному становлению мира вокруг себя. Вовлечённость подразумевает ответственность за то, что становится или не становится важным.

В параграфе 4.2. «Неоматериалистические тенденции и объектно-человеческие коммуникации в современном постдраматическом театре» рассматривается как проявляет себя неоматериалистическая методология в коммуникационных практиках в области современного театрального искусства и, прежде всего, так называемого *постдраматического театра* (Х.-Т. Леман).

Цель постчеловеческой театральной коммуникации обнаруживается в постдраматических спектаклях Х. Геббельса, Т. Кантора, Р. Уилсона, Р. Кастеллуччи и других в раскрытии потенциальных реализаций возможного и трансформаций заданных условий через инициирование реляционных ситуаций между зрителями, актёрами, сценическими объектами и театральными пространствами. Задача такой коммуникации - в реализации «творческих» процессов, сил, интенсивностей и включении человека как части этих процессов.³⁴

В параграфе 4.3. «Материальные телесно-воплощённые коммуникации в инсталляционных формах искусства “глубоких” медиа» коммуникационные стратегии

³⁴ Деникин А. А, Говязин А.О. Постгуманистические тенденции в современной театральной сценографии: от визуализации образов к материальным становлениям объектов / А. А. Деникин, А. О. Говязин // Наука телевидения. 2023. т. 19, № 1. с. 149–171.

материального «становления» рассматриваются на примерах арт-практик «глубоких медиа» - направления в современном искусстве на стыке искусства, философии и науки (Д. Булатов).

Изобретения современных художников позволяют сделать процессы активности и реакции человеческого тела ощущаемыми для зрителей-участников. Коммуницирует не человек и не технические части инсталляций. «Коммуницируют» отдельные человеческие органы, материалы человеческих и не человеческих тел. Новые «глубокие медиа» обеспечивают для человека возможности зарегистрировать и испытать эти процессы, предлагают анализ коммуникативных возможностей всех элементов, образующих сложные технобиологические сборки.

В параграфе 4.4. «Новый материализм в видеоиграх: со-коммуникация с игровыми био-объектами» предлагается взглянуть на видеоигровые взаимодействия с точки зрения самой видеоигры, внутренних программных процессов и аппаратных взаимодействий.

Утверждается, что игрок и игровые объекты существуют внутри сложной, многоактантной сети отношений, где автономные действующие актанты определяют границы и свойства друг друга на материальном уровне, работая вместе, но оставаясь при этом относительно независимыми. Видеоигры организуют действие ассамбляжей из сил и интенсивностей и особые состояния варьирующейся и мутирующей «протосубъективности» (Ф. Гваттари), которая не принадлежит ни игроку, ни машине, но сети взаимодействующих компонентов.

Коммуникация в видеоиграх выстраивается через материально-дискурсивные практики, а её результат - постоянное обновление объектов и процессов ради реализации возможного, находящегося в потенции своего воплощения. Процессы выхода к возможному для геймеров и игровых объектов - значительная часть содержания видеоигровой коммуникации.

В параграфе 4.5. «Нечеловеческие коммуникации: объектно-ориентированная онтология и спекулятивно-реалистические теории в арт-практиках современных художников» представлен альтернативный способ понимания коммуникативных объектов в рамках новоматериалистических теорий. Если в виталистическом Новом материализме предполагается, что материя находится в сети взаимосвязей или в состоянии отношений, то в объектно-ориентированной онтологии (ООО) материя переосмысливается как объект, который существует сам по себе, в своей собственной форме бытия, вне каких-либо отношений с людьми.

В параграфе рассматриваются основные примеры коммуникационных стратегий в рамках ООО и спекулятивного реализма: коммуникации объектов в отсутствии человека («тайная жизнь вещей»); коммуникации через метафорическое «открытие» объекта; коммуникация как практическое вдействие в объект/с объектом (Я. Богост); коммуникация как открытие человеком «объектов» в себе и себя как одного из объектов (Т. Мортон); коммуникации через становление объектом/«другим» (К. Бехар); коммуникации объектов в контексте дискурсивной политической критики (А. Геллоуэй).

Исследование показывает, хотя ООО стремится понять объект вне зависимости от человека, большая часть его имплицитного проекта заключается в переосмыслении деятельности человека, становясь ещё одним дискурсом, а значит зависит от исходного человеческого не в меньшей мере, нежели остальные теории Нового материализма.

В ПЯТОЙ ГЛАВЕ «Более-чем-человеческие взаимодействия в контексте философской теории аффекта и материального экокритицизма» исследуются «более-чем-человеческие» коммуникации с опорой на теории аффекта и на различные версии энвайронментальных теорий экокритицизма и экофеминизма.

В параграфе 5.1. «Аффективные взаимодействия: передача чувственных событий против циркуляции нечеловеческих аффектов» коммуникационный потенциал аффекта рассматривается с использованием двух различных подходов: понимания аффекта как «элементарного психологического состояния» и как «интенсивной силы». Если для первой концепции аффект — это вполне человеческая форма взаимодействия, то вторая концептуализация распространяет аффект за пределы человеческого мира, то есть представляет аффект нечеловеческий. Показывается продуктивность объединения этих двух подходов, когда аффект, регистрируясь в теле, тем не менее, оставляет «недискурсивный остаток», позволяющий человеку выходить за рамки своей субъектности и создавать телесно-объектные ассамбляжи в процессах аффективных коммуникаций.

В параграфе 5.2. «Аффективные коммуникации в видеоиграх: действия между состоянием и интенсивностью» видеоигры рассматриваются как пример массовых аффективных взаимодействий и телесно-соматических коммуникаций. Видеоигры - это наглядная иллюстрация процесса циркуляции аффектов, в которой не язык и не аудиовизуальные образы определяют содержание коммуникации, а «содержание» определяется движениями аффекта.

Аффект, обеспечивает особый способ чувственного «мышления» и восприятия игровых тел, их отношений, их взаимозависимости и воздействия. Видеоигры организуют аффективные отношения тел в действии. Видеоигры обеспечивают потенциал для открытия человеком в себе новых сил и новых вариантов себя посредством аффективных коммуникаций.

Благодаря взаимодействию аффектированных объединяющихся тел геймера, игрового объекта, консоли, аватара и контроллера, человеку становится доступными как доопытное переживание потенциального, так и ощущения от реализации и материализации его инвариантов.

В параграфе 5.3. «Более-чем-человеческие коммуникации в арт-проектах современных художников» анализируется концепция *«более-чем-человеческого»*, которая представляет субъекта, особенности которого конструируются в «сетях» отношений, как результат взаимодействия и взаимоотношений разнородных сил (деятельности человека, животных, бактерий, объектов, технологий и пр.).

Категория «более-чем-человеческого» связывается с энактивным, телесно-ориентированным, аффективным режимами взаимодействия между людьми и объектами окружающего мира. Коммуникация и художественная практика переосмысливаются как процессы «совместного-создания» с творческим становлением материи. Композиция и форма возникают через материальные отношения, а не навязываются извне. Человек понимается не как «субъект» среди нечеловеческих «объектов», а как нестабильный и податливый «срез возможного», сонастраивающийся на изменения своего окружения.

В параграфе 5.4. «Межвидовые экологические коммуникации в контексте экокритицизма и радикального экофеминизма» исследуется *материальный экокритицизм* - движение направленное на то, чтобы поместить человеческую деятельность в экологическое поле нечеловеческих сил и субстанций, которые пронизывают существование человеческих тел и окружающей среды.

В параграфе на примерах арт-работ современных художников исследуется, как животные общаются друг с другом и с человеком, как животные воспринимают мир и как они организуют этот опыт и сообщают о нём.

Вывод пятой главы в том, что более-чем-человеческая модель коммуникации связывается с аффективным режимами взаимодействия между людьми и объектами окружающего мира и позволяет человеку выходить за рамки своей субъектности, создавать телесно-объектные ассамбляжи, надсубъектные формы самоорганизации в процессах

аффективных сонастроек. Через техники сонастройки участники-партиципанты организуют потоки материи-энергии, и каждое индивидуальное восприятие субъектом-актантом становится совместным «более-чем-человеческим» восприятием.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ диссертации подводятся основные итоги работы, формулируются выводы диссертации, с учётом которых определяются дальнейшие исследовательские перспективы.

Проведённое исследование выявило широкий спектр аналитических оснований для понимания способов и моделей постчеловеческих коммуникаций, их функционирования, интерпретации, рассмотрения постгуманистических отношений между людьми, социальными конструкциями, технологиями и техническими парадигмами, которые они создают и на которые влияют. Этому способствовал выбор и применение философско-культурологического подхода в анализе коммуникационно-выразительных и дискурсивных элементов постчеловеческой коммуникативистики.

Специфика философско-культурологического подхода потребовала проведения междисциплинарного анализа постчеловеческих коммуникаций в качестве явления современной высокотехнологичной культуры, с обращением к философским, культурологическим, естественнонаучным, эстетическим и художественным установкам. Общим знаменателем для них является переосмысление классической европейской концепции гуманизма и принятие новых коммуникационных принципов на основе сплава постгуманистических и гуманистических идей.

В диссертации широкий круг творческих и медийных практик был систематизирован в рамках общей концепции «постчеловеческой коммуникации». Были выявлены методы её теоретического анализа, приведено описание генезиса, моделей и способов постчеловеческой коммуникации, рассматривались и анализировались многочисленные примеры подобного рода взаимодействий в медиапрактиках и технологическом искусстве.

Было показано, что феномен «постчеловеческой» коммуникации лежит в основе культурных практик трансгуманизма, постгуманизма, эоактивизма, обеспечивающих новое понимание коммуникации как взаимообусловленного действия гибридных, человеко-машинных и коллективных человеческих образований (ассамбляжей), способных представлять себя, выражать свою самость и самообновляться, будучи результатом деятельности множества чувствующих, реагирующих и соучаствующих агентов.

Проблемное поле постчеловеческих коммуникаций было выявлено через анализ процессов дегуманизации, деантропизации, технологизации человеческой жизни, категорий действия, телесности, аффективности, соучастия с учётом таких феноменов как глобализация, антропоцен, медиатизация, цифровизация.

В результате проведённого исследования было установлено, что при анализе постчеловеческих коммуникационных практик задачи исследования коммуникации смещаются с того, что она означает (показывает, представляет, пробуждает, символизирует), на то, что она делает, как влияет на коммуникантов и среду, в которой она осуществляется и развёртывается. Опыт соучастия в партиципаторных медиапрактиках рассматривался как опыт материальной трансформации окружающей действительности. Происходит переход от репрезентации к перформативности и физическому действию, физической активности, актантности как основополагающим принципам постчеловеческой коммуникации. Это актуализирует «более-чем-человеческие» методы, техники «изобретения в действии». Такие методы позволяют по-разному включать, например, животных, биообъекты и технологические устройства в качестве агентов-провокаторов, делающих коммуникацию разнообразнее и продуктивнее.

Постчеловеческие коммуникации демонстрируют взаимосвязанность, мультисенсорность, реляционность, перформативность, гибридность и взаимозависимость всего сущего как свои ключевые признаки.

Реляционность, как процесс выстраивания отношений, обеспечивает условия организации постчеловеческих коммуникаций, формируя новые материально-дискурсивные инварианты возможного, приводя к новым перспективам отношений, новым случаям, значениям, образам, новой информации.

«Постчеловеческая» коммуникация вовлекает нечеловеческую активность, физическое человеческое действие, материально-дискурсивное взаимодействие в коммуникационные практики. В «постчеловеческой» коммуникации минимальная реальная единица и содержание — это не слова, идея или концепция, а совокупность взаимовлияний и потенциальные фигуры состояний - фигуральности. Это всегда ассамбляжи, которые производят высказывания. Коммуникация в этом случае становится средством, организующим взаимосвязь переплетающихся полей и сил (в том числе нечеловеческих сил), способных развиваться непредсказуемым, разнородным образом.

Цель постчеловеческих коммуникаций видится в создании условий, чтобы проявилась нелинейная множественность возможного, чтобы фигуральное обрело перцептивные качества через процессы соучастия. Реляционное соучастие позволяет сделать ценностным не конкретное

содержание арт-проекта (передаваемый смысл/образ), но множественность проявлений возможного, процессы его реконфигурирования через инициирование реляционных процессов.

Отсюда новые коммуникационные стратегии встраивания, сонастройки, соучастия, интерактивности, «становления-с», интерес к работе с потенциальным, виртуальным, фигуральным, попыткам испытать себя, открыть и реализовать свой потенциал как цель и задача коммуникации. Различие между символом или знаком и означаемым заменяется пониманием каждого фрагмента материи как указателя на потенциальность, на потенциал и влияние. В вибрации неизвестного потенциала действия тел возникает нечеловеческий акт самовыражения через коммуникацию и реляционность.

В постчеловеческих коммуникациях человеческое тело представлено как протезная телесность, как интерфейс, открытый модификации, что актуализирует перформативность и физическое действие, физическую активность, актантность как важные условия постчеловеческой коммуникации.

В постчеловеческих арт-проектах и медиапрактиках изображаемые объекты, тексты или образы визуализируют активность тел, информируют человека о том, как он действует и как действуют другие люди/тела/объекты, что даёт возможность «вписать» тела в систему связей и отслеживать совместные изменения в становлении, переживать опыт вовлечения человека в процессы формирования реляционных связей как с другими людьми, так и с нечеловеческими объектами, сохраняя при этом за зрителем-участником достаточную долю автономии, чтобы он мог оставаться чувствующим, думающим и действующим.

Соматизация постчеловеческих коммуникативных практик проявляется в формировании и переформировании человеческих телесностей и фигуральностей телесно-воплощаемого действия, в процессах гибридизации человеческих тел с другими материальными объектами мира (технологиями, животными, растениями, природой). Мышление и действие тела не противопоставляются, но выражаются друг через друга: одновременное изобретение в процессе выполнения является способом познания и способом мышления.

Задачей исследования постчеловеческих коммуникационных практик становится то, что коммуникация делает, как влияет на коммуникантов и среду, в которой она осуществляется и развёртывается. Это позволяет рассматривать сам акт общения как проявление смысла через материальные отношения.

Постгуманистические коммуникационные практики задействуют материю как поток творческих становлений в рамках композиционных процессов и материально-дискурсивного взаимодействия, где коммуникативный опыт - это опыт материальной трансформации

окружающей действительности, изобретения новых потенциалов существования, а коммуникативные акты служат цели накопления энергии и циркуляции ритмов между телами и объектами.

Постчеловеческие коммуникации являются проводниками нерепрезентационных потоков энергий-аффектов, определяемых как доличностные, неорганические силы, интенсивность которых можно искусственно модулировать или усиливать с помощью медиапрактик, определяя способность человека действовать и быть объектом воздействия, побуждая его к движению, переживанию, к мысли, к расширению своих возможностей.

Идея «более-чем-человеческого» или сверхчеловеческого применительно к постчеловеческим коммуникациям, указывает на то, что постгуманистические арт-проекты и медиапрактики - это процессы выстраивания взаимоотношений с «более-чем-человеческим», усиливающие динамизм взаимовлияний, преобразующий многообразнее мира в отношениях. Постчеловеческие коммуникации позволяют человеку увидеть и прочувствовать мир, включающий деятельность множества биологических и небιологических Других, прийти к осознанию, что люди не уникальны или не исключительны, находясь в неразрывных взаимоотношениях со всем что вокруг них, и должны нести ответственность за свои действия в мире с Другими.

При этом постчеловеческие коммуникации могут быть организуемы и усилены с помощью арт-практик и медиапроектов, когда художники и дизайнеры создают интерфейсы взаимодействия, с помощью которых машинное, человеческое и природное работают совместно в создании «более-чем-человеческого», которое может интенсифицироваться с помощью художественных техник, требуя для своей реализации подпитки, импульса, управления.

Выявленные в диссертации постгуманистические модели коммуникации (трансгуманистическая, постчеловеческая, неоматериалистическая, объектно-ориентированная, более-чем-человеческая, экокритицистская) имеют свою коммуникационную специфику и особенности: трансгуманистические коммуникации нацелены на расширение технологических и концептуальных границ в понимании человека; постчеловеческие коммуникации основываются на практиках телесного соучастия и реляционного вовлечения человека в становление машинно-биологических коммуникационных процессов; неоматериальные коммуникации заключаются в реализации нечеловеческих «творческих» процессов, сил, интенсивностей и включении человека как части этих процессов; объектно-ориентированные коммуникации предлагают модель, отражающую сущность машинного сознания; более-чем-человеческие коммуникации связываются с аффективными режимами взаимодействия между

людьми и объектами окружающего мира; экологические и экокритические коммуникации подтверждают идею о неотделимости человека от всех органических и неорганических процессов в окружающей среде.

В результате проведённого исследования было установлено, что хотя идея «постчеловека» часто связывается с процессами дегуманизации жизни, отказа от человека как субъекта, идеей «смерти человека», реальный опыт постчеловеческих коммуникаций в ряде реализованных и реализующихся проектов показывает, что постгуманистические признаки (гибридность сознания, гендерная нейтральность, мутабельность и неизбежность постоянной модификации человеческого тела) - это в большей степени специфическая стратегия коммуникации, ситуативная установка, импровизационный жест, но никак не условие для существования человека в эпоху постгуманизма. Эти признаки расширяют то, что значит быть человеком в эпоху глобализированной технокультуры, при этом сохраняя человеческое в человеке (и прежде всего чувственное, эмоциональное, разумное, то есть природное). Рассуждение о постчеловеческом как нечеловеческом или античеловеческом обнаруживает теоретическую несостоятельность и опровергнуто реальными коммуникативными практиками.

На основе проведённых исследований в диссертации было сформулировано новое направление в исследовании коммуникации - постчеловеческая коммуникативистика.

Постчеловеческая коммуникативистика была определена как наука о месте и роли постчеловеческих коммуникаций, об их возможностях, закономерностях функционирования и развития.

В диссертационной работе исследование культурных, социальных последствий распространения практик постчеловеческой коммуникации позволило продемонстрировать её влияние на современную культуру, на возможности человеко-машинных и био-экологических взаимодействий, показать области применения данного понятия, перспективы «постчеловеческой» коммуникации как формы организации знания, опыта, взаимодействия, мышления, а также как способа отношения к действительности, познавательного отношения в науке в целом.

Основные идеи диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Деникин, А. А. Коммуникации с биоизменёнными созданиями: мутанты, клоны, биотвари в современных арт-практиках // Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). С. 16-22. — (0,8 п.л.) **K2**.
2. Деникин, А. А. Человеко-машинные взаимодействия и искусственный интеллект: к новому пониманию алгоритмических коммуникаций // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 67-82. — (1 п.л.) **WOS ESCI**.
3. Деникин, А. А. Границы нечеловеческой коммуникации в современных арт-практиках // Артикульт. 2023. №4(52). С. 22-32. — (0,8 п.л.) **K2**.
4. Деникин, А. А, Говязин, А. О. Постгуманистические тенденции в современной театральной сценографии: от визуализации образов к материальным становлениям объектов / А. А. Деникин, А. О. Говязин // Наука телевидения. 2023. т. 19, № 1. с. 149–171. — (0,8 п.л.) **WOS**.
5. Деникин, А. А. Аффективные коммуникации в современных медиаформатах (на примере видеоигр) // Вестник культуры и искусств. 2023. № 4 (76). С. 7–21. — (1 п.л.) **K2**.
6. Деникин, А. А. Современные цифровые арт-практики и «более-чем-человеческое» восприятие // Художественная культура. 2021. № 1 (36). С. 200-221. — (1,1 п.л.) **K2**.
7. Деникин, А. А. Критика некоторых положений теории перформативности Э. Фишер-Лихте (на примерах практик соучастия зрителей в партиципаторных перформансах) // Журнал «Наука телевидения», 2021. т. 17. № 1. С. 139-170. — (1,5 п.л.) **WOS**.
8. Деникин, А. А. Концептуализация пост-экранного аффективно-телесного опыта в исследованиях цифровых интерактивных мультимедиа // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – № 1 (38). – С. 178-201.— (2 п.л.) **K1**.
9. Деникин, А. А. К определению термина «партиципация» в контексте современных художественных практик // Наука телевидения. 2018. Т. 14. № 1. С. 58-79. — (0,9 п.л.) **WOS**.
10. Деникин, А. А. Телесно-ориентированный подход при анализе произведений экранного искусства // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 115-131. — (1,3 п.л.) **K2**.
11. Деникин, А. А. Постцифровая эстетика в арт-практиках цифрового искусства // Обсерватория культуры. 2017 Т. 14, № 1 С. 36—45. — (1,2 п.л.) **K1**.
12. Деникин, А. А. В защиту видеоигр. // Обсерватория культуры. 2014;(3):53-59.—(0,8 п.л.) **K1**.
13. Деникин, А. А. Режиссура или мультимедиа — вот в чём вопрос! // Обсерватория культуры. 2013. №3. С. 46-55. — (0,8 п.л.) **K1**.

14. Деникин, А. А. Гармония игры: о выразительности действий в видеоиграх //Обсерватория культуры. 2013. № 6. С. 58-64. — (0,8 п.л.) **К1**.
15. Деникин, А. А. Время, пространство и действие в зеркальных отражениях экранных проекций видеоарта //Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 165-169. — (0,4 п.л.) **К2**.
16. Деникин, А. А. Иммерсивные и интерактивные художественные стратегии в видеоинсталляциях и видеоэнвайронментах //Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4-2. С. 101-104. — (0,5 п.л.) **К1**.

Монографии:

17. Деникин, А. А. Звук, игра, образ: междисциплинарные контексты современного кинематографа / Антон Анатольевич Деникин, Александр Викторович Марков, Юрий Сергеевич Реунов, Андрей Николаевич Фоменко, Сергей Юрьевич Штейн; коллективная монография; науч. ред. В.А.Колотаев. Российский государственный гуманитарный университет. Москва: РГГУ, 2022. — 278 с. (1 п.л.)
18. Деникин, А. А. В защиту видеоигр. Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии исследования / Под редакцией В. В. Савчука. Коллективная монография. 2014. Т. X. № X. С. 24-43. — 328 с. (1 п.л.)
19. Деникин, А. А. ВидеоАрт/Видеохудожники. Москва: Videoart Digital std, 2013. — 107 с. (7 п.л.)

Учебные и учебно-методические пособия:

20. Деникин, А. А. Цифровая фотография и современное искусство: Учебное пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Нестор-История, 2016. — 224 с. (16,5 п.л.)
21. Деникин, А. А. Звуковой дизайн в кинематографе и мультимедиа: учебное пособие / А. А. Деникин. М. : ГИТР, 2012. — 394 с. (33,75 п.л.)

Другие публикации по теме диссертации:

22. Деникин, А. А. Коммуникации людей с киборгами в экспериментальных проектах художников и дизайнеров // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. № 1. С. 73-84. — (0,8 п.л.) **К2**.
23. Деникин, А. А. Человеко-машинные взаимодействия и искусственный интеллект: к новому пониманию алгоритмических коммуникаций //Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 67-82. — (1 п.л.)
24. Деникин, А. А. Философские основания постчеловеческой коммуникативистики // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 52–69. — (0,6 п.л.) **К2**.

25. Деникин, А. А. Дискурсивные аспекты постчеловеческих коммуникаций // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 4. С. 33-53. — (1,3 п.л.)
26. Деникин, А. А. Видеоигры – это искусство? К истории самого массового спора в Сети // Художественная культура. 2017. №1(19). — (1,1 п.л.) <https://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/yazyki/5221.html>
27. Деникин, А. А. Постцифровая эстетика» в художественных практиках цифрового искусства // Наука телевидения. 2017. Т. 13. № 2. С. 106-123. — (0,8 п.л.)
28. Деникин, А. А. Экология кинозвука: от звукозрительных образов к звукозрительным симуляционным пространствам // ЭНЖ "Медиамузыка". № 4 (2015). С. 2. — (0,9 п.л.) URL: http://mediamusic-journal.comIssues/4_2.html
29. Деникин, А. А. Мультимедиа и искусство: от мифов к реалиям //Художественная культура. 2014. № 3 (12). С. 4. — (0,8 п.л.)
30. Деникин, А. А. О некоторых особенностях новых медиа //Художественная культура. 2014. № 4 (13). С. 4. — (0,5 п.л.) <https://artculturestudies.sias.ru/2014-4/yazyki/3642.html>
31. Деникин, А. А. Критика подходов к исследованию практик Новых медиа //Наука телевидения. 2014. Т. 11. С. 259-277. — (1 п.л.)
32. Деникин, А. А. Могут ли видеоигры быть искусством? //Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 90-96. — (0,9 п.л.)
33. Деникин, А. А. О некоторых особенностях новых медиа //Художественная культура. 2013. № 2-3. С. 7. — (0,5 п.л.) <https://artculturestudies.sias.ru/2014-4/yazyki/3642.html>
34. Деникин, А. А. Специфика мультимедиа и эволюция аудиовизуальной культуры // Наука телевидения. 2013. Т. 10. С. 233-242. — (0,6 п.л.)
35. Деникин, А. А. Искусство и дизайн в компьютерных видеоиграх //Наука телевидения. 2010. Т. 7. С. 330-340. — (0,7 п.л.)
36. Деникин, А. А. Телесно-ориентированный подход в исследованиях эстетики интерактивного искусства // В сборнике: Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа. Сборник материалов научно-практической конференции. Составитель и научный редактор Н.Г. Кривуля, 2019. С. 178-185. — (0,5 п.л.)
37. Деникин, А. А. Цифровые медиа и проайретические интерфейсы: о некоторых особенностях партиципаторных коммуникаций //Дизайн СМИ: Тренды XXI века. 2019. № 4. С. 189-196. — (0,5 п.л.)
38. Деникин А. А., Меграбян М. А. Специфика авторской стилистики в художественных видеоиграх на примере творчества Фумито Уеды //Colloquium-Journal.2019. № 13-8 (37).С.18-19.

39. Деникин А. А., Меграбян М. А. Агентность как художественно-выразительное средство в авторских видеоиграх // Colloquium-Journal. 2019. № 13-8 (37). С. 20-21.
40. Деникин, А. А. О некоторых особенностях новых медиа // В сборнике: Медиа в эпоху дабл-пост. Государственный институт искусствознания. Москва, 2018. С. 61-66. — (0,5 п.л.)
41. Деникин, А. А. Пользовательские трансгрессивные практики и современная культура // В сборнике: Культура в процессах развития современной России: особенности и перспективы. сборник научных статей. Москва, 2014. С. 173-178. — (0,8 п.л.)
42. Деникин, А. А. Что нового в новых медиа? // В сборнике: Культура в процессах развития современной России: особенности и перспективы. сборник научных статей. Москва, 2014. С. 35-42. — (0,5 п.л.)
43. Деникин, А. А. Новые медиа и цифровое искусство // В сборнике: Развлечение и искусство. Санкт-Петербург, 2011. С. 382-396. — (0,6 п.л.)
44. Деникин, А. А. Новая нарративность и дизъюнктивное повествование в видеоарте 1970-80-х годов // Артикульт. 2011. № 2 (2). С. 84-91.
45. Деникин, А. А. Американское и европейское видеоискусство 1960 – 2005 // автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологии / Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. Москва, 2008. — (1 п.л.)
46. Деникин, А. А. Американское и европейское видеоискусство 1960 – 2005 // диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. Москва, 2008. — (10 п.л.)
47. Деникин, А. А. Медиа-арт: развлечение как искусство и образ как действие // В сборнике: Развлечение и искусство. Санкт-Петербург, 2008. С. 164-177. — (0,7 п.л.)
48. Деникин, А. А. О некоторых особенностях художественного языка современного видеоискусства. // В сборнике: Визуальные стратегии в искусстве. Свет, тень, отражение. материалы научной конференции. Ответственный редактор и составитель Л. Ю. Лиманская. 2008. С. 44-45. — (0,6 п.л.)
49. Деникин, А. А. Реально ли виртуальное телевидение? // В сборнике: Город развлечений. наблюдения, анализы, сюжеты: сборник. Санкт-Петербург, 2007. С. 337-344. — (1 п.л.)
50. Деникин, А. А. Телевидение: новые реалии // Обсерватория культуры. 2006. № 4. С. 18-25. — (0,9 п.л.).